H12 222

H12 222

Профессоръ Е. Ѳ. Будде.

Основы синтаксиса русскаго языка.

КАЗАНЬ.
Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева.
1913.

Собственныя изданія книжнаго магазина

М. А. ГОЛУБЕВА.

Васильевъ, А. В. проф. Введеніе въ анализъ. Вып. 1-й. Ученіе о цѣломъ положительномъ числѣ. Изд. 4-е. Каз. 1913 г., ц. 1 р. 25 к.

Ивановскій, Н. И. проф. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола. Ч. I-я. Исторія раскола. Изд. 8-е Каз. 1912, ц. 1 р. 20 к.

То же, Ч. 2-я. Обличеніе раскола.—Ч. 3-я. О сектахъ раціоналистическихъ и мистическихъ. Изд. 9-е. Каз. 1912 г., ц. 1 р. 20 к.

Нагуевскій, Д. И. проф. Краткій практическій курсъ латинскаго языка (этимологія, синтаксисъ, упражненія, хрестоматія, словарь). Преимущественно для высшихъ курсовъ и для самообразованія. Каз. 1912 г., ц. въ переплетѣ 1 р, 50 к.

— П. Виргилій Маронъ. Энеида. Пѣснь VI, съ введеніемъ и примѣчаніями. Текстъ и комментарій. (Одобр. М. Нар. Пр). Каз. 1912 г., ц. въ перепл. 70 к.

— Гай Юлій Цезарь. Записки о Галльской войнѣ. Кн. II, съ введеніемъ и примѣчаніями. Текстъ и комментарій, съ картою Галліи. Каз. 1912 г., ц. 60 к., въ перепл. 75 к.

— То же. Кн. III-я, съ введеніемъ и примѣчаніями. Текстъ и комментарій, съ картою Галліи. Каз. 1912 г., въ перепл. 75 к.

Селищевъ, А. Взгляды Карла Гавличка на Россію. Къ исторіи славянскихъ взаимоотношеній въ половинѣ XIX вѣка. Каз. 1913 г., ц. 85 коп.

Спасскій, Н. А. Очерки по родиновѣдѣнію. Казанская губернія. Изд. 2-е, исправл. и дополненное, съ рисунк. и картою Казанской губерніи. 1913 г., ц. 1 р. 25 к

Беркли, Джорджъ. Опытъ новой теоріи зрѣнія. Перев. съ англійскаго прив.-доцента Казан. Университета **А. О Маковельскаго.** Каз. 1913 г., ц. 1 р.

Сотонинъ, К. Словарь Терминовъ Канта. (Къ тремъ критикамъ). Каз. 1913, ц. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Мироновъ, А. М. проф. Исторія античнаго искусства.

H12 222

Профессоръ Е. Ѳ. Будде.

Основы синтаксиса русскаго языка.

КАЗАНЬ.
Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева.
1913.

Изъ „Сборника статей, посвященныхъ Д. А. Корсакову“.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1232867

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1913 г.

1. Синтаксисъ, какъ отдѣлъ грамматики.

Въ другихъ своихъ трудахъ мы уже не разъ имѣли поводъ говорить объ отличіи грамматики языка отъ его исторіи. Попробуемъ теперь точно и кратко формулировать это отличіе, чтобы въ такой формулировкѣ имѣть отправную точку для дальнѣйшихъ изслѣдованій по синтаксису. Если мы скажемъ такъ: исторія языка изучаетъ тѣ процессы, которые привели языкъ къ данному его состоянію настоящаго момента, а грамматика языка описываетъ какъ разъ это состояніе языка въ настоящій моментъ, то намъ будетъ наиболѣе понятно отличіе грамматики языка отъ его исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, грамматика, какъ ученіе о звуковомъ, морфологическомъ и синтактическомъ строѣ языка, всегда предполагаетъ *законченные* процессы въ тѣхъ ихъ результатахъ, въ которыхъ обнаружились звуковые и психологическіе законы, дѣйствовавшіе безпрерывно въ разное время въ данномъ языкѣ до настоящаго момента.

Если мы представимъ себѣ *одну современную намъ страницу изъ жизни языка,* то на этой страницѣ мы прочтемъ въ каждомъ элементѣ языка, отразившагося на современной страницѣ, прошлую лѣтопись этого каждаго элемента подобно тому, какъ вдумчивый человѣкъ—психологъ и физіологъ при знакомствѣ съ другимъ человѣкомъ имѣетъ въ этомъ послѣднемъ всю лѣтопись его жизни, лѣтопись, остановившуюся на время наблюденія, или, вѣрнѣе, искусственно, фиктивно остановленную для наблюденія: въ этой лѣтописи будутъ накоплены результаты, послѣдствія прошлаго, запасы для будущаго, и все это представится уложеннымъ въ рамки и въ строй того характера, той психической и физической индивидуальности, которую мы наблю-

даемъ въ данномъ человѣкѣ въ данный моментъ его жизни. Языкъ тоже отражаетъ свое прошлое въ каждый данный моментъ своей жизни, въ своемъ состояніи, въ своей индивидуальности. Наблюдаемое состояніе языка представится намъ въ томъ видѣ, который принятъ языкомъ, полученъ имъ изъ прошлаго и выработанъ предшествовавшей жизнью: здѣсь, въ строѣ языка, нашли свое отраженіе звуковые законы, образовавшіе звуковую систему языка, грамматическія категоріи, удержавшія данный строй языка отъ сильныхъ потрясеній и, съ другой стороны, содѣйствовавшія образованію современнаго уклада рѣчи съ ея звукосочетаніями и словосочетаніями. Такимъ образомъ, ясно, что грамматика языка естественно представляетъ собой слѣдующіе три отдѣла: *ученіе о звукахъ языка, ученіе о сочетаніяхъ звуковъ въ словахъ, принявшихъ въ строѣ языка цѣлый рядъ опредѣленныхъ формъ, и ученіе о сочетаніяхъ словъ, въ этихъ опредѣленныхъ формахъ составляющихъ словосочетанія, или предложенія.* Первый отдѣлъ—фонетика; второй—морфологія и третій—синтаксисъ языка. Отсюда понятно, что, такъ какъ грамматика въ бо́льшей своей части по содержанію имѣетъ дѣло съ опредѣленными грамматическими формами, которыя выступаютъ въ словосочетаніяхъ и укладываются въ грамматическія категоріи, образовавшіяся на основахъ прочныхъ психическихъ ассоціацій, то за предѣлами формъ отдѣльныхъ цѣлыхъ словъ и за предѣлами формъ словосочетанія нѣтъ и грамматики, какъ ученія о сложившемся строѣ языка, называемомъ грамматическимъ строемъ и основанномъ на принципѣ дифференціаціи словъ по формамъ падежей, чиселъ, родовъ, временъ, лицъ, наклоненій, на принципѣ раздѣленія словъ по категоріямъ измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ словъ, склоняемыхъ, спрягаемыхъ и не имѣющихъ формъ склоненія или формъ спряженія. Такимъ образомъ, языкъ имѣетъ свою грамматику уже тогда, когда въ немъ *упрочился* извѣстный *строй* со всѣми особенностями послѣдняго. Этотъ, именно, строй языка на основѣ извѣстныхъ категорій и называется *грамматическимъ строемъ*. Всѣ элементы этого строя, всѣ его составныя части, такъ сказать, держатся другъ другомъ и другъ за друга, представляя такимъ образомъ индивидуальную структуру *даннаго*

языка въ отличіе отъ особенностей структуры другихъ родственныхъ и неродственныхъ данному языку языковъ. Не слѣдуетъ смущаться терминомъ „грамматическій“: этотъ терминъ просто унаслѣдованъ, какъ и самый терминъ „грамматика“, отъ временъ александрійской языческой школы, когда *необходимо* было, на основаніи разбора находимыхъ рукописей древнихъ ученыхъ и философовъ, подвести добытые результаты чтенія и разбора древнихъ рукописей подъ извѣстныя категоріи, облегчающія чтеніе и пониманіе новыхъ, находимыхъ послѣ, фрагментовъ и цѣлыхъ записей. Самое слово „грамматика“ (греч. *γραμματιχή*, т. е. *τέχνη*) означаетъ *искусство разбора письменъ*. Ср. греч. *γράμμα*—письмо, буква; *γράμματα*—письмена, азбука, все написанное. Такимъ образомъ, *языкъ жилъ, складывался, вырабатывалъ свой строй независимо отъ какой-либо грамматики; грамматика явилась сводомъ основъ извѣстнаго строя языка и служила подспорьемъ чисто практическаго значенія для того, чтобы разбираться въ этомъ строѣ языка при желаніи прочесть и понять неизвѣстныя еще рукописи, письмена.* (Срв. *Kretschmer*: „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache“. Göttingen. 1896[4]).

Само собой разумѣется, что всѣ отдѣлы наличнаго строя языка, — звуковой, морфологическій и синтактическій,—образовались и сложились *исторически*. Исторія звуковъ разработана лучше всего, т. к. звуковыя явленія проще другихъ въ языкѣ; исторія формъ словъ разработана менѣе обстоятельно, т. к. она тѣсно связана съ исторіей формъ словосочетанія, а этотъ отдѣлъ, т. е. синтаксисъ, сравнительно съ другими, разработанъ менѣе всего.

Въ методологическомъ отношеніи чрезвычайно важно ни на минуту не упускать изъ виду того, что *синтаксисъ есть отдѣлъ грамматики*, т. е. ученіе о словосочетаніи предполагаетъ собою извѣстную упрочившуюся въ языкѣ *систему категорій словоизмѣненія, упрочившійся формальный строй языка,* состоящій изъ формъ словъ, получающихъ эти свои формы въ сочетаніяхъ другъ съ другомъ, въ словосочетаніяхъ, т. е. въ предложеніяхъ. Эти формы словъ отличаются другъ отъ друга тѣми признаками, которые называются *формальными признаками*, или, иначе, суффиксами

и флексіями измѣняемыхъ словъ. Изъ предыдущаго мы заключаемъ, что терминъ „грамматическій“ можно скорѣе всего замѣнить терминомъ „формальный“. Поэтому и грамматическое ученіе есть ученіе формальное, предполагающее въ данномъ, изучаемомъ языкѣ уже готовыя, упрочившіяся формы словъ и ихъ сочетаній, а самыя *формы словъ* (т. е. слова съ ихъ суффиксами и флексіями) образовались при сочетаніи этихъ словъ другъ съ другомъ. *Итакъ, формальные признаки, дающіе новую жизнь словамъ только въ словосочетаніяхъ, могутъ быть единственнымъ критеріемъ при изученіи грамматики языка, при грамматическомъ изученіи языка. Поэтому и синтаксисъ, какъ отдѣлъ грамматики языка, можетъ и долженъ касаться только формальныхъ признаковъ, которыми слова связываются другъ съ другомъ въ предложеніяхъ.*

Такъ какъ „синтаксисъ“ уже давно вызываетъ въ обществѣ представленіе о какой-то наукѣ, предметомъ которой служитъ *смыслъ и значеніе* предложеній, причемъ въ этомъ общественномъ представленіи о синтаксисѣ вмѣщается еще и непремѣнное условіе, чтобъ смыслъ, значеніе предложенія не расходились съ наблюдаемой дѣйствительностью, или что то-же, согласовались со здравымъ смысломъ, съ *логикой*, то я считаю необходимымъ поподробнѣе остановиться на разборѣ этого традиціоннаго общественнаго взгляда, нынѣ уже отвергнутаго наукою. Дѣло въ томъ, что такой общественный взглядъ на синтаксисъ вынесенъ обществомъ изъ школы, а въ школу онъ проникъ черезъ учителей и учебники; эти же послѣдніе заимствовали свои положенія изъ науки того періода ея развитія, который нынѣ считается справедливо „до-научнымъ“ періодомъ. Учебники, разъ проникшіе въ школу, находили себѣ сбытъ на рынкахъ и дѣлали свое дѣло: держали школу, и при ея посредствѣ и общество, на уровнѣ до-научныхъ свѣдѣній и представленій о синтаксисѣ. Это крупнѣшее зло обнаружилось въ томъ, что наше общество, даже и образованное въ широкомъ смыслѣ этого слова, отстало отъ науки о языкѣ, осталось съ такими лингвистическими представленіями, которыя въ концѣ концовъ способствовали распространенію въ публикѣ самыхъ смутныхъ и превратныхъ понятій объ

отечественномъ языкѣ, о задачахъ изученія языка, о связи жизни языка съ жизнью говорящаго на немъ народа и проч. А эти всѣ превратныя понятія мало-по-малу разъединили чувство сознательной привязанности и любви къ народу и чувство сознательной любви къ языку этого народа; отъ этого пострадало и значеніе отечественной исторіи и народное самосознаніе, въ которомъ коренится залогъ истинной моральной силы націи, залогъ образованности данной страны. *Говоря вездѣ о „знаніи", мы, конечно, разъ навсегда оговариваемся, что мы подразумѣваемъ знаніе научное, т. к. другого знанія мы и не признаёмъ, и исповѣдуемъ мысль, что знаніе должно быть научнымъ, т. е. не должно расходиться съ современной ему наукою ни въ низшей, ни въ средней, ни въ высшей школѣ: только такое знаніе возвышаетъ человѣка и служитъ факторомъ прогресса страны. Отсюда ясно, что всякій учитель долженъ быть въ курсѣ современной науки и владѣть научными* представленіями о своемъ предметѣ, представленіями, современными его практической, учительской дѣятельности. Отсюда понятно, насколько важно учителю всякой школы *слѣдить за наукою*, и насколько необходимо предоставить учителю полную свободу въ выборѣ учебника: тогда учебники, устарѣвшіе съ научной точки зрѣнія, не находили бы себѣ сбыта и не вредили бы при посредствѣ „несвободнаго" учителя дѣлу *общаго* образованія. Что основныя положенія современной лингвистики составляютъ предметъ *общеобразовательный*, этого доказывать нѣтъ надобности, т. к. основныя положенія языковѣдѣнія и просты, и понятны, и интересны даже для учениковъ и ученицъ младшихъ классовъ, какъ это знаетъ по своему опыту всякій научно-образованный и „умѣлый" преподаватель: разсмотрѣть живую рѣчь въ ея процессѣ, хотя бы въ самыхъ элементарныхъ образцахъ литературнаго и народнаго произношенія, значитъ ввести учениковъ въ кругъ научныхъ лингвистическихъ представленій, при которыхъ навсегда устранится прежде всего всякая возможность для ученика говорить, что „русскій языкъ произошелъ отъ церковно-славянскаго (старославянскаго) языка", что „русскій языкъ не самостоятельный", что „Слово о полку Игоревѣ" написано на церковно-славянскомъ языкѣ", что „слово: рекоша и

под"—это—„по-славянски" (?), а не-по-русски" и т. п. Словомъ, не приходилось бы слышать отъ всѣхъ и каждаго, что „прежде русскаго языка не было, а былъ *славянскій* (?); и что нынѣшній русскій языкъ—это смѣсь многихъ языковъ: и славянскаго (?), и нѣмецкаго, и французскаго; и потому-де въ русскомъ языкѣ нѣтъ ничего своего, опредѣленнаго". Всѣ эти примѣры взяты изъ жизни школы и изъ сокровищницы общественныхъ взглядовъ на русскій языкъ. Этихъ приведенныхъ примѣровъ слишкомъ достаточно для того, чтобы судить о томъ, можетъ ли изъ такого источника почерпаться чувство любви и уваженія къ языку народа и къ самому народу, не имѣющему *собственнаго* языка...

Я сдѣлалъ это довольно длинное отступленіе отъ предмета своего разсужденія единственно съ цѣлью показать, благодаря какимъ обстоятельствамъ и какъ проникли въ школу и въ наше общество такія воззрѣнія, наприм., что синтаксисъ языка долженъ согласоваться съ логикой, что грамматика не должна противорѣчить логикѣ, что синтаксисъ покоится на логикѣ и чуть не тождественъ съ логикой и проч. Въ результатѣ такихъ воззрѣній (которыя, къ сожалѣнію, *прямо не высказываются* въ грамматикѣ и ея отдѣлахъ; а то можно было бы это „поймать" и устранить; но которыя *всегда предполагаются*, какъ видно изъ всего изложеннаго въ учебникахъ по синтаксису) учитель не знаетъ, что подлежитъ *грамматическому* разбору, а что—нѣтъ; ученики не знаютъ, что принадлежитъ синтаксису, а что лежитъ за его предѣлами и входитъ уже въ область другой науки, логики и проч. и проч. Положеніе по истинѣ жалкое! Читатель уже догадывается, надѣюсь, что *основнымъ недостаткомъ*, породившимъ возможность такой путаницы представленій и такого жалкаго состоянія отечественнаго языка въ нашей школѣ и въ нашемъ обществѣ, служитъ то, что *при современномъ состояніи школы и учебниковъ никто не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, представляетъ ли собой синтаксисъ—отдѣлъ грамматики языка, или какой-либо другой науки.* Изъ предыдущаго мы знаемъ что, если синтаксисъ—отдѣлъ грамматики, то онъ есть наука *формальная*, т. е. основанная *на формахъ* словъ, какъ на матеріалѣ, который составляетъ самое содержаніе науки,

и безъ которыхъ и не можетъ быть синтаксиса, какъ *грамматическаго, формальнаго знанія, науки. Внѣ формъ словосочетанія нѣтъ „грамматическаго" предложенія, а всякое словосочетаніе „не грамматическое", не обусловленное формами словъ, не есть грамматическое предложеніе, и потому не подлежитъ разсмотрѣнію въ синтаксисѣ, какъ въ отдѣлѣ грамматики даннаго языка. Не грамматическое словосочетаніе* (предложеніе) *есть предметъ психологіи и исторіи языка, „историческаго синтаксиса"*, т. е. той науки, которая требуетъ для своего развитія и успѣха еще *вспомогательныхъ* наукъ: общей психологіи, психологіи представленій, психологіи умозаключеній, психологіи разговорной рѣчи (діалога) и проч. знаній, еще не представленныхъ во всей полнотѣ,—и потому остается еще сама не разработанной. Грамматика же, какъ формальная наука, въ томъ ея опредѣленіи, которое дано нами выше, можетъ и должна заниматься *только грамматическимъ матеріаломъ*: ея задача уже и опредѣленнѣе, а потому и легче, а ея выводы потому *точнѣе* и *понятнѣе*. Стало быть, выражаясь вульгарно, но просто, надо сказать: „не требуйте отъ синтаксиса того, чего онъ не долженъ вамъ давать, какъ отдѣлъ грамматики языка; отдайте себѣ сами отчетъ въ томъ, изучаете ли вы языкъ въ его историческихъ процессахъ, или его данное состояніе въ настоящій моментъ, и тогда вы поймете, чего вамъ держаться въ школѣ, что требовать отъ себя самихъ и что требовать отъ учениковъ". Это мѣсто, поставленное мною въ кавычкахъ, заключаетъ въ себѣ, по моему мнѣнію, тотъ выводъ, къ которому должна привести всякаго представителя языкознанія наука, требующая во всякій моментъ своего развитія отчетности и точности въ предѣлахъ ея завоеваній къ данному моменту.

2. Грамматическое предложеніе.

Итакъ *предметомъ синтаксиса*, какъ отдѣла грамматики, можетъ быть только *грамматическое словосочетаніе*, т. е. *грамматическое предложеніе*. Что же такое это *„грамматическое"* предложеніе? Въ чемъ его отличіе отъ *„неграм-*

матическаго?“ Во-первыхъ начать съ того, что и самый терминъ „*предложеніе*“ (propositio) взятъ изъ другой науки и попалъ къ намъ случайно; но это не важно, если мы не будемъ соединять съ этимъ традиціоннымъ терминомъ не свойственныхъ ему признаковъ: въ „предложеніи“ никто ничего не предлагаетъ; это есть просто *сочетаніе словъ согласно извѣстнымъ грамматическимъ, формальнымъ принципамъ*. Формальнымъ принципомъ сочетанія словъ, или, что то-же, принципомъ формальнаго сочетанія словъ служитъ *принципъ согласованія* словъ по грамматическимъ категоріямъ мелкаго разряда.

Въ другомъ мѣстѣ [1] мы говорили объ обширныхъ, объ общихъ категоріяхъ, и о мелкихъ, частныхъ: такъ, категорія измѣняемыхъ словъ шире категоріи спрягаемыхъ, категорія спрягаемыхъ—шире категоріи залога, категорія залога шире категоріи наклоненія, а эта послѣдняя шире категоріи времени и т. д. Такъ *принципъ согласованія словъ для ихъ сочетанія требуетъ, чтобы согласованныя слова принадлежали одной и той-же, самой узкой, самой мелкой грамматической категоріи, т. е. согласовались бы между собой въ числѣ, лицѣ, родѣ, падежѣ. Для такого согласованія*, т. е. для такого сочетанія словъ, *существуютъ въ языкѣ съ упрочившимся строемъ особыя формальныя принадлежности словъ, принадлежности, называемыя „грамматическими“ принадлежностями и образующія формы отдѣльныхъ полныхъ словъ. Ясно, что формою слова, т. е. его формальной принадлежностью, указывается въ словосочетаніи отношеніе этого слова къ другому слову, съ которымъ оно согласовано, сочетано.* Такимъ образомъ, только грамматическія словосочетанія разсматриваются въ синтаксисѣ, а эти послѣднія представляютъ изъ себя формальныя сочетанія только тѣхъ словъ, которыя входятъ въ категорію „измѣняемыхъ“ словъ, какъ частей нашей рѣчи. Само собой разумѣется, что слова неизмѣняемыя не могутъ *формально* сочетаться съ другими словами въ рѣчи, т. к. они *не имѣютъ формъ* словоизмѣненія, указывающихъ на грамматическія отношенія между словами. Итакъ, на основаніи этого перваго пункта

[1] Въ своемъ курсѣ: „Русскій языкъ“.

нашихъ разъясненій, *мы подъ предложеніемъ должны понимать словосочетаніе*. Стало быть, правильнѣе, съ точки зрѣнія *научнаго* синтаксиса, употреблять терминъ „словосочетаніе“, а не—„предложеніе“. Во-вторыхъ, установивъ понятіе „предложеніе“, какъ извѣстнаго словосочетанія, мы можемъ только въ этомъ смыслѣ употреблять этотъ терминъ и, какъ терминъ *грамматическій*, слово „предложеніе“ само должно заключать въ себѣ всѣ признаки своей принадлежности къ грамматикѣ, т. е *предложеніе само должно быть грамматическимъ*, иначе говоря, оно должно представлять собой такія сочетанія словъ, которыя выражены *формами* самихъ словъ. Однако не всякое, даже грамматическое, словосочетаніе мы будемъ называть *предложеніемъ*, а *только такое, въ которомъ есть сказуемое*, т. к. сказуемое—самая главная часть предложенія, и безъ сказуемаго предложеніе перестаетъ быть предложеніемъ, т. е. *безъ сказуемаго нѣтъ предложенія*.

Далѣе, сказуемое *грамматическаго* словосочетанія должно имѣть свою *форму*, которая будетъ *формою сказуемости*; къ такимъ формамъ сказуемости относятся: *формы наклоненія*, *формы времени* и *формы лица*, т. к. только эти категоріи *въ русскомъ языкѣ* сохранили до настоящаго момента свои формальныя принадлежности: суффиксы наклоненій, суффиксы временъ и суффиксы лицъ („личныя окончанія“). На основаніи предыдущаго, поэтому, заключаемъ, что *предложеніе есть такое словосочетаніе, въ которомъ особою формою сказуемости опредѣленно указано отношеніе сказуемаго къ именительному падежу подлежащаго*. Всякое другое „предложеніе“ будетъ *не грамматическимъ*, а равно *и словосочетаніе* (хотя и грамматическое) *тогда* (т. е. безъ особой формы сказуемости) *не будетъ предложеніемъ*. Примѣры *грамматическаго словосочетанія—предложенія*: „Онъ живетъ (жилъ, жилъ бы, будетъ жить) въ лѣсу“; „Живи въ лѣсу“ и под. Примѣры *неграмматическаго* словосочетанія, не предложенія: „Отецъ—человѣкъ“; „братъ—чиновникъ“ и под. Послѣднія словосочетанія (не грамматическія и безъ формы сказуемости) можно *условно* называть *неграмматическими предложеніями*; такія „предложенія“ не должны разсматриваться въ синтаксисѣ, какъ *отдѣлъ грамматики*, т. к. они

могутъ появляться въ разговорѣ въ данный моментъ, какъ психическій актъ и импровизація рѣчи, не покоясь на упрочившемся *грамматическомъ* строѣ языка: срв. „умереть—уснуть"; „Ахти, ребята, воръ! И вмигъ ворота—на запоръ!" Эти „предложенія" (дѣлаемъ уступку въ употребленіи традиціоннаго термина) нельзя разобрать *безъ прибавленія различныхъ словъ отъ себя* спеціально для того, чтобы подвести эти „предложенія" подъ типы „грамматическихъ" для облегченія разбора. А между тѣмъ эти нужныя намъ слова *въ языкѣ не даны*, ихъ необходимо или подразумѣвать, или дополнять. Отсюда мы выводимъ общее правило, что, такъ какъ дополнять „предложеніе" своими *предполагаемыми* словами не всегда возможно безъ риска измѣнить смыслъ рѣчи автора или его психическую силу рѣчи, то *не слѣдуетъ подразумѣвать того, чего въ языкѣ намъ не дано*. Иначе говоря, *синтаксисъ, какъ отдѣлъ грамматики, имѣетъ дѣло только съ словами, данными, выраженными въ языкѣ и формально связанными другъ съ другомъ*. Стало быть, *предложеніе, какъ предметъ синтаксиса, есть языковое образованіе, а не психологическій актъ или не логическое сужденіе*. Само собой разумѣется, что *формальной наукѣ*, каковою является грамматика языка со всѣми ея отдѣлами, значитъ, и съ синтаксисомъ, нѣтъ никакого дѣла до психологической основы языковыхъ образованій, до психологической основы „предложеній", равно какъ и до логическаго смысла, до значенія такихъ образованій. Правда, что языковѣдъ можетъ и долженъ быть до извѣстной степени психологомъ и даже философомъ, какъ и всякій ученый въ своей спеціальности, но это далеко не означаетъ того, что такой ученый можетъ смѣшивать между собой разныя науки по ихъ задачамъ, методамъ или по ихъ содержанію. Поэтому не можетъ быть никакой „философской грамматики", которую еще сравнительно недавно (въ 40-хъ, 50-хъ гг. XIX-го столѣтія) допускалъ до-научный періодъ развитія лингвистики. Когда ученый ставитъ себѣ задачей привести въ извѣстность и изслѣдовать *жизненные процессы* языка, тогда онъ прибѣгаетъ къ содѣйствію другихъ наукъ, и больше всего—къ содѣйствію психологіи, проливающей яркій свѣтъ на „физіологію" этихъ процессовъ и на ихъ происхожденіе, но

когда ученый языковѣдъ ставитъ себѣ задачей классификацію уже готовыхъ, получившихъ законченное развитіе, фактовъ языка и классификацію разнообразныхъ комбинацій этихъ готовыхъ фактовъ въ связной рѣчи, то его трудъ *ограничивается формами языка въ ихъ упрочившихся типическихъ сочетаніяхъ*, не касаясь вопросовъ происхожденія этихъ типовъ и ихъ философской основы.

Конечно, глубоко правъ В. Вундтъ („Völkerpsychologie". „Die Sprache." 2-е изд. Предисловіе.), утверждая, что *съ одной исторіей языка* далеко не пойдешь такъ же, какъ *и съ одной психологіей языка*: необходимо, чтобы эти двѣ науки работали совмѣстно въ области вопросовъ *языковѣдѣнія*. Но Вундтъ ставитъ свою задачу очень широко и вовсе не имѣетъ цѣлью заниматься синтаксисомъ, какъ отдѣломъ грамматики: онъ имѣетъ цѣлью изучить процессы жизни человѣческаго языка вообще. *Моя задача теперь—очень узкая: именно, выдѣлить тѣ основы грамматики языка (русскаго), въ частности,—основы его синтаксиса, которыя составляютъ элементарное ученіе и должны быть усвоены въ школѣ ранѣе всякихъ обобщеній и вопросовъ языковѣдѣнія вообще.* Само собой разумѣется, что Вундтъ, преслѣдуя *свои* задачи, получилъ слѣдующее опредѣленіе „предложенія" *вообще*, а не только *грамматическаго* предложенія. Его опредѣленіе такое: „*Предложеніе есть такое произвольное языковое образованіе, въ которомъ общее представленіе* или совокупность представленій *расчленяется* на свои составныя части, поставленныя въ логическія отношенія другъ къ другу". *Подъ этими логическими отношеніями разумѣются отношенія предикативныя и аттрибутивныя къ субъекту.* Отношенія эти въ языкѣ обозначаются грамматическими формами словъ. (См. мою статью: „Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи"... Изв. Ак. Наукъ по отд. р. яз. и слов. 1910 г. Т. XV, кн. 4). Наше опредѣленіе, нисколько не расходясь съ опредѣленіемъ Вундта (съ опредѣленіемъ Пауля я не согласенъ: см. тамъ-же стр. 142 слѣд.), имѣетъ своей цѣлью *элементарную* часть, какъ я сказалъ выше, и относится къ опредѣленію Вундта, какъ видовое, частное—къ родовому общему опредѣленію. Наше опредѣленіе *въ синтаксисѣ языка* такое: „*Грамматическое* предложеніе есть

такое словосочетаніе, въ которомъ особою формою сказуемости *опредѣленно* выражено отношеніе сказуемаго къ именительному падежу, къ подлежащему". По мнѣнію Вундта, подъ такое опредѣленіе (оно собственно принадлежитъ академику Фортунатову и высказано имъ уже давно) подойдетъ только одинъ видъ предложеній („Aussagesatz"), именно, „высказывательное предложеніе", т. е. не выражающее ни *воли*, ни *чувства* говорящаго. Пусть такъ! Но тѣмъ точнѣе кругъ вопросовъ, подлежащихъ изученію въ *синтаксисѣ*, хотя и здѣсь все дѣло *въ формахъ словъ*, а не въ ихъ значеніи: если *воля* говорящаго выражена формою сказуемости (напр., повел. наклоненіемъ), опредѣленно указывающею отношеніе сказуемаго къ именительному падежу этого же словосочетанія, то и такое предложеніе будетъ *грамматическимъ*: напр., „ѣшь (ты) пирогъ съ грибами, держи (ты) языкъ за зубами". Здѣсь мы въ скобкахъ поставили то слово, *которое не дано въ языкѣ, но это слово мы не предполагаемъ, а только указываемъ, т. к. оно есть единственное слово, которое можетъ имѣть мѣсто въ данномъ словосочетаніи. А отсутствіе въ словосочетаніи такого слова, которое является излишнимъ потому, что оно есть единственное, которое можетъ имѣть мѣсто въ данномъ словосочетаніи по требованію самыхъ формъ сочетанія, есть тотъ же формальный признакъ. Слѣдовательно, есть случаи, когда отсутствіе формальнаго признака служитъ какъ разъ признакомъ.* Другой примѣръ: „Отецъ боленъ". Въ этомъ примѣрѣ *по причинѣ исторически сложившагося строя русскаго языка* мы не имѣемъ на-лицо въ языкѣ формы сказуемости, но эта форма дана всетаки самымъ отсутствіемъ настоящаго времени „*есть*", и это видно изъ сравненія даннаго словосочетанія съ такимъ, какъ, напр., „отецъ *былъ* боленъ" или „отецъ *будетъ* боленъ", т. к. въ этихъ предложеніяхъ уже языкъ нашъ не допускаетъ пропуска сказуемаго.

3. Составъ грамматическаго предложенія.

Единственно необходимой и потому самой главной *частью предложенія* (мы вездѣ будемъ подразумѣвать „*грамматическое*" предложеніе) *служитъ сказуемое*. Это понятно,

т. к. *формы сказуемости сами по себѣ уже указываютъ* своими формальными принадлежностями *на подлежащее.* Если форма сказуемости къ данному моменту жизни языка утратила такую формальную принадлежность, то *языкъ особымъ словомъ указываетъ подлежащее.* Срв., напр., „Не ходи въ лѣсъ и не заблудишься“ или: „Не ходи я въ лѣсъ, я не заблудился бы“; „не ходи онъ въ лѣсъ, онъ не заблудился бы“; „не ходи мы въ лѣсъ, мы не заблудились бы“; „не ходи вы въ лѣсъ, вы не заблудились бы“; „не ходи они въ лѣсъ, они не заблудились бы“ и под. Или: „ѣду, ѣду—слѣду нѣту“; „ѣду, ѣду—не свищу, а наѣду—не спущу“; „тише ѣдешь, дальше будешь; „ступитъ на горы,—горы трещатъ“, „не огонь, а жжется“; „каково вѣется, таково и мелется“; „повѣяло прохладой“ и друг. под. Такимъ образомъ, *безъ сказуемаго нѣтъ грамматическаго предложенія, а безъ подлежащаго такое предложеніе можетъ обойтись.* Тѣмъ не менѣе подлежащее тоже считается главной частью, или главнымъ членомъ предложенія, и это понятно: хотя подлежащее и не есть *необходимый* членъ предложенія, что видно даже изъ того, что языкъ допускаетъ существованіе такъ называемыхъ „безличныхъ“ предложеній, вѣрнѣе,—*безсубъектныхъ*“ (безъ именительнаго падежа), но иногда указаніе отдѣльнымъ словомъ въ словосочетаніи именительнаго падежа бываетъ необходимымъ, именно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ языкъ нуждается въ ближайшемъ опредѣленіи подлежащаго, это опредѣленіе, согласуясь съ подлежащимъ *въ падежѣ*, становится *приложеніемъ* къ подлежащему, аппозитивнымъ членомъ. Такая „аппозиція“ необходима тогда, когда языкъ утратилъ *формальное указаніе* сказуемаго на лицо, какъ на именительный падежъ, какъ на дѣйствующій предметъ (субъектъ). Напр., форма прошедшаго причастія глагола дѣйств. залога на—„*лъ*“, какъ форма *причастія, т. е. отглагольнаго прилагательнаго,* не указываетъ отношенія къ лицу рѣчи (первому, второму или третьему); поэтому требуется *особымъ словомъ* обозначить, опредѣлить дѣйствующее лицо или указать именительный падежъ предмета: прежде, пока эта форма причастія была лишь именной частью составного сказуемаго, а сказуемымъ былъ глаголъ (быти въ формахъ сказуемости), такого опредѣленія подле-

жащаго или приложенія къ нему и не нужно было; нынѣ оно необходимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ безъ опредѣленія затруднительно пониманіе. Напр., „все мое"—сказало *злато*; „все мое"—сказалъ *булатъ*". Или: „не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ *Господь* меня поставилъ и книжному искусству вразумилъ". Или: „*жаръ* свалилъ"; „*онъ* свалилъ соръ въ кучу"; „*я* свалилъ соръ въ кучу", „*ты* свалилъ соръ въ кучу" и под. Пока было „свалилъ *есмь*, *еси*, *есть*"..., то слова: *я*, *ты*, *онъ* при этомъ сказуемомъ были плеоназмомъ, излишними; а существительныя при нихъ, какъ выше, напр., „булатъ", „злато", „Господь", „жаръ" и т. п. были *приложеніями* (appositio). Нынѣ же эти „приложенія" необходимы, какъ единственная замѣна подлежащаго. Срв., напр., древнее: „*я*, князь Мстиславъ, далъ *есмь* рукою своею"... Нынѣ, съ утратою „есмь" и под. словъ сказуемости, „*я*" стало необходимою частью такихъ предложеній, а въ 3-мъ лицѣ, съ утратою „есть", приложеніе стало служить подлежащимъ: „онъ, князь Мстиславъ, далъ есть рукою своею"...= „онъ, князь Мстиславъ, далъ рукою своею"...=„князь Мстиславъ далъ рукою своею"... и под. (См. *Kern*. „Die deutsche Satzlehre". Berlin. 1888 [2]. и мою статью: „Къ ученію о синтаксисѣ простого предложенія" въ Ж. М. Н. Пр. 1894 года, № 4).

Итакъ, значитъ, главными членами предложенія считаются *сказуемое* и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подлежащее, именно, гдѣ нѣтъ формальной принадлежности, указывающей *лицо*, или гдѣ ея функціи приняло на себя другое окончаніе слова. (См. ниже „безличныя предложенія"). Если мы примемъ *за отправную точку* при дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ *наше опредѣленіе предложенія*, то весь русскій синтаксисъ, какъ простого, такъ и сложнаго предложенія, представится крайне простымъ по своей структурѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ этомъ опредѣленіи предложенія *центръ тяжести лежитъ въ формѣ сказуемости*; формы сказуемости суть: формы лица, времени и наклоненія. Если такихъ формъ нѣтъ, то нѣтъ и сказуемаго, а если такъ, то нѣтъ и предложенія, нѣтъ матеріала для синтактической задачи. (См. I-ую главу нашихъ „Основъ синтаксиса". Р. Ф. В. 1910 годъ, №№ 3 и 4). Напр., „я боленъ", „я здоровъ", „я

скупъ“ и проч. подобн. предложенія; но: „я—купецъ“, „онъ—разнощикъ“, „ты—студентъ“—не предложенія. Дѣйствительно, словосочетанія: „я боленъ“ и под. при сравненіи съ словосочетаніями: „я былъ боленъ“ и под. выдаютъ свою форму сказуемости и опредѣленно указываютъ этой формой на отношеніе сказуемаго (есмь, былъ...) къ именительному падежу—„я“ и под. Наоборотъ, словосочетанія въ родѣ: „я—купецъ“ и под., при сравненіи съ словосочетаніями: „я былъ купецъ“ и под., нисколько не выдаютъ формы сказуемости, т. к. соотносительности между этими словосочетаніями нѣтъ никакой: словосочетаніе „я боленъ“ при другой формѣ времени само собой превратится въ словосочетаніе „я былъ боленъ“ или „я буду боленъ“; здѣсь мѣняется только *форма* сказуемости, а въ словосочетаніяхъ „я—купецъ“ или „я былъ купецъ“, „я буду купецъ“ измѣнена не *форма* сказуемости, а *измѣнено все содержаніе словосочетанія*; словосочетанія: „я—купецъ“ и „я былъ купецъ“ повѣствуютъ о совершенно различномъ содержаніи, между тѣмъ какъ словосочетанія: „я боленъ“ и „я былъ боленъ“ повѣствуютъ намъ объ одномъ и томъ же, но относятъ содержаніе одно и то же только къ различному времени. Итакъ, въ словосочетаніяхъ: „я—купецъ“ и под. формы сказуемости нѣтъ. Слѣдовательно, это—не грамматическія „предложенія“. Значитъ, *форма сказуемости обусловливаетъ собой грамматическое предложеніе*. Замѣтимъ, что формою сказуемости всегда является *форма лица*, къ какому бы времени или наклоненію ни относилось сказуемое, какъ значеніе слова; гдѣ утрачена форма лица, тамъ ея функціи переданы языкомъ другимъ формамъ, которыя могутъ различаться не формальными принадлежностями этихъ же формъ, а особыми словами, поставленными въ качествѣ указателей на лица. Поэтому, строго говоря, *безличныхъ* предложеній нѣтъ и быть не можетъ, а есть только предложенія безъ именительнаго падежа, безъ „субъекта“. При такомъ пониманіи дѣла подлежащее грамматическаго предложенія („субъектъ“) есть *только* форма именительнаго падежа, и никакого другого. Поэтому, старыя воззрѣнія на возможность подлежащаго въ косвенныхъ падежахъ, напр., „быть

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

бычку на веревочкѣ“ и т. п., съ точки зрѣнія синтаксиса, представляютъ *воззрѣнія безсмысленныя*.

Разсмотримъ теперь второстепенные члены предложенія и взаимоотношеніе ихъ съ главными членами. Для удобства возьмемъ примѣръ: „Дымъ багровый кругами всходитъ къ небесамъ навстрѣчу утреннимъ лучамъ“. Если мы вникнемъ въ составъ этого предложенія, то замѣтимъ, что въ немъ, кромѣ подлежащаго и сказуемаго („дымъ всходитъ“), есть еще другіе члены, которые *грамматически* распредѣляются такъ: одни члены согласованы съ подлежащимъ („багровый дымъ“), другіе члены группируются около сказуемаго („всходитъ кругами къ небесамъ навстрѣчу утреннимъ лучамъ“) и представляютъ собой сочетаніе словъ другого порядка, *не согласованія*; однако и внутри этой группы членовъ есть *согласованныя слова* („утреннимъ лучамъ“). Различая члены предложенія по способу ихъ сочетанія другъ съ другомъ, мы видимъ: 1) Сказуемое согласуется съ подлежащимъ въ категоріи *лица*, *числа* и *рода* (напр., „*погасло* дневное *свѣтило*“ и под. при формѣ *прошедшаго* времени); 2) Опредѣленіе съ опредѣляемымъ (въ категоріи *рода*, *числа* и *падежа*, если опредѣленіе выражено *прилагательнымъ*). 3) Прочіе члены предложенія, группирующіеся около сказуемаго, связаны между собой не принадлежностью своей къ общей имъ мелкой грамматической категоріи, а подчиненностью своею управляющимъ словамъ, которыя требуютъ, именно, *подчиненія*, т. е. употребленія *извѣстнаго падежа*. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ: слово „кругами“ стоитъ съ окончаніемъ *творит.* падежа *по требованію* слова „*всходитъ*“. Творительный падежъ, между прочимъ, обозначаетъ въ такомъ сочетаніи съ глаголомъ („всходитъ кругами“, „пишу перомъ“...) *способъ дѣйствія*, *образъ дѣйствія* или *средство* (*орудіе*, *инструментъ*) *дѣйствія*. Такое значеніе пріобрѣтаетъ творительный падежъ, именно, въ словосочетаніи, которое *вызвало* собой употребленіе творительнаго падежа. Значеніе падежей, пріобрѣтаемое ими въ словосочетаніи, ассоціируетъ ихъ со словами *неизмѣняемыми*, имѣющими однако сходное значеніе (въ данномъ случаѣ—способа дѣйствія, средство дѣйствія и под.): срв., напр., „пишу перомъ“, „хожу кругомъ“, „и головы

ходятъ ихъ кругомъ". Или: „вознесся онъ *главою непокорной*"... „Онъ стукнулся *головою*" и мн. др. Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ мы видимъ, что одинъ и тотъ же падежъ можетъ имѣть различныя значенія въ словосочетаніяхъ Еслибы мы занимались значеніемъ падежей, а не ихъ формою, то мы должны бы были признать, строго говоря, въ одной и той же формѣ столько различныхъ падежей, сколько можетъ имѣть значеній эта форма въ словосочетаніи. Напр., очень разнообразны значенія родительнаго падежа въ словосочетаніяхъ: „домъ *отца* стоитъ на горѣ" (принадлежность), „скоро будетъ праздноваться столѣтняя годовщина Бородинской *битвы*" (качество). „Эта битва произошла 26-го августа 1812 *года*" (время), „боюсь *стыда*", „страхъ *одиночества*", „бутылка *воды*" и проч. и проч.—все это различныя значенія одной и той же формы падежа [1]. То-же мы наблюдаемъ въ каждомъ другомъ падежѣ. Само собой разумѣется, что, говоря о *логическихъ* отношеніяхъ другъ къ другу членовъ предложенія, Вундтъ и исходилъ изъ различныхъ значеній, получаемыхъ *формою* въ различныхъ словосочетаніяхъ. Но въ такомъ трактованіи синтактическихъ вопросовъ и лежитъ корень зла нашего *учебнаго* синтаксиса и нашей школы: здѣсь заложена причина путаницы синтактическихъ понятій. Разъ мы упустили *формальную* сторону, мы вышли за предѣлы грамматики и растерялись, т. к. всѣхъ значеній падежей все равно не перечислишь, а единственно вѣрный принципъ всякой *научности* изложенія предмета—*отчетность* и *точность*—потеряешь. Ограничиваясь *формою*, т. е. не выходя за предѣлы грамматики, мы излагаемъ *формальный* синтаксисъ. Согласно съ этимъ принципомъ, предложеніе: „Дымъ багровый кругами всходитъ къ небесамъ навстрѣчу утреннимъ лучамъ" будетъ распадаться, расчленяться на слѣдующіе члены: *подлежащее*, *сказуемое*, *опредѣленіе*, *дополненіе* и *обстоятельства*. Но и эти термины значеній („логическіе") придется замѣнить терминами формальными: тогда придется въ словосочетаніи различать: слова измѣняемыя (имѣющія формы) и слова

[1]) См. между прочимъ *В. А. Богородицкій*: «Синтаксисъ родительнаго падежа въ русск. языкѣ». Р. Ф. В. 1912 г., № 3.

неизмѣняемыя (не имѣющія формъ). Къ первымъ относятся: а) формы именительнаго падежа, б) формы косвенныхъ падежей, в) формы рода, г) формы лица, времени и наклоненія. Ко вторымъ относятся: слова неизмѣняемыя по формамъ, т. е. нарѣчія, предлоги, союзы, цѣпричастія. Далѣе, замѣтимъ еще одно: форма именительнаго падежа—*независимый* членъ предложенія; формы же косвенныхъ падежей суть всегда *зависимые* члены, равно какъ и формы рода, формы лица, времени, наклоненія и могутъ группироваться около формы именит. падежа, неизмѣняемыя слова могутъ группироваться не только около формъ лица, времени и наклоненія, т. е. могутъ быть связаны не только съ ними въ общей категоріи сказуемаго, но и съ формами именит. падежа, въ общей категоріи подлежащаго. Напр., *„ударъ плашмя* не такъ разрушителенъ, какъ ударъ ребромъ". Формы именительнаго падежа, формы косвенныхъ падежей, формы рода и неизмѣняемыя слова могутъ группироваться около формъ сказуемости (т. е. формъ лица, времени и наклоненія); послѣдняя группировка также есть связь по принципу согласованія или по принципу управленія (подчиненія). Далѣе, каждый членъ предложенія естественно есть *только* часть цѣлаго предложенія и потому менѣе цѣлаго. Однако различныя части предложенія могутъ по своимъ формамъ представлять формы полныхъ словосочетаній, оставаясь и въ этомъ видѣ словосочетаній частями другихъ болѣе *крупныхъ* словосочетаній.

4. Отношеніе членовъ предложенія къ цѣлому предложенію.

Каждый членъ предложенія, кромѣ подлежащаго и сказуемаго [1], можетъ быть выраженъ словосочетаніемъ, въ

[1]) Ср. *А. И. Томсонъ*: «Общее языковѣдѣніе». 1910 [2]. Одесса. Стр 307. Приведенныя здѣсь предложенія, съ точки зрѣнія *формальнаго* синтаксиса, конечно, суть предложенія придаточныя *опредѣлительныя*, а *не подлежащія* и *сказуемыя*: «что съ возу упало, то пропало». Срв. «То сѣно пропало, что съ возу упало»; или: «Та церковь бѣдна, что стоитъ не одна» и под. Не слѣдуетъ увлекаться реальнымъ значеніемъ такихъ словъ, какъ: то—что,

которомъ есть свой именительный падежъ и своя форма сказуемости. Покажемъ это на примѣрахъ. Предложеніе: „Учитель объясняетъ урокъ дѣтямъ съ каѳедры съ книгою въ рукахъ". Попробуемъ распространить это предложеніе и слѣдить за тѣмъ, внесется-ли что-нибудь новое въ это предложеніе при его распространеніи. Возьмемъ членъ предложенія „съ каѳедры"—форма косвеннаго падежа, слѣд., можетъ относиться или къ подлежащему, или къ сказуемому. Въ данномъ случаѣ относится къ сказуемому, т. к. составляетъ съ нимъ вмѣстѣ смыслъ: срв. „объясняетъ съ каѳедры" и „учитель съ каѳедры". Измѣнится-ли самый *фактъ объясненія съ каѳедры*, если мы вмѣсто „съ каѳедры" скажемъ: „сидя на каѳедрѣ" или „стоя на каѳедрѣ"? Нѣтъ! Однако мы замѣнили однѣ формы другими. Слѣдовательно, при измѣненіи формъ словосочетанія не всегда образуется новое предложеніе: такимъ образомъ, въ этомъ словосочетаніи: „учитель объясняетъ урокъ дѣтямъ, сидя на каѳедрѣ съ книгою въ рукахъ"—одно предложеніе, какъ и прежде. Срв. „учитель объясняетъ урокъ дѣтямъ сидя, стоя"... и т. п. „Сидя", „стоя"—простые *члены* предложенія, но не предложенія. И сколько бы мы ни уснащали эти члены различными подробностями, всетаки они останутся простыми *частями* предложенія, не имѣя ни своего именительнаго падежа, ни своей формы сказуемости. Членъ предложенія „съ книгою въ рукахъ" относится одинаково какъ къ подлежащему, т. к. составляетъ съ ними смыслъ: „учитель съ книгою въ рукахъ"=опредѣленіе учителя,—такъ, и къ сказуемому, п. ч. и съ нимъ онъ составляетъ смыслъ: „объясняетъ съ книгою въ рукахъ"=обстоятельство объясненія. Изъ этого видно, что формы косвенныхъ падежей могутъ группироваться и около формы именительнаго падежа, и около формы сказуемаго, но только при подлежа-

---

тотъ – кто и проч. Въ словосочетаніяхъ эти соотносительныя слова пріобрѣтаютъ иное значеніе. Такъ же: «Я—тотъ, кого никто не любитъ»: кого=котораго; что=который, которая, которое и пр. Нельзя думать, что, если предложеніе: «упавшее съ воза пропало»=по смыслу предложенію: «что съ возу упало, то пропало», то, значитъ, и *формально* эти предложенія тождественны См. ниже.

щемъ—онѣ опредѣленія, а при сказуемомъ—обстоятельства или дополненія. Возьмемъ свой примѣръ и измѣнимъ его такъ: „Учитель, любящій свое дѣло, объясняетъ урокъ дѣтямъ неутомимо“. Въ этомъ примѣрѣ „любящій свое дѣло“ относится къ подлежащему и отвѣчаетъ на вопросъ опредѣленія: „какой“? Слѣдовательно, „любящій свое дѣло“ есть членъ предложенія, опредѣленіе. Но спрашивается, могу ли я вмѣсто „любящій свое дѣло“ сказать: „который любитъ свое дѣло“? Синтактически нѣтъ! Логически—да! Словосочетаніе: „который любитъ свое дѣло“ есть грамматическое предложеніе: въ немъ есть форма именит. падежа („который“) и форма сказуемости („любитъ“)—опредѣленно указывающая на отношеніе сказуемаго къ подлежащему. А словосочетаніе: „любящій свое дѣло“ есть не предложеніе, а только *часть* его—опредѣленіе къ подлежащему. Такъ какъ часть никогда не равна цѣлому, то словосочетаніе „любящій свое дѣло“ формально не равно словосочетанію: „который любитъ свое дѣло“. *Слѣдовательно, „любящій свое дѣло“ не представляетъ синтактически сокращеннаго предложенія изъ „который любитъ свое дѣло“ и слѣдовательно, причастіе вовсе не сокращаетъ придаточнаго опредѣлительнаго предложенія, а уничтожаетъ придаточное предложеніе и дѣлаетъ его лишь частью предложенія, въ данномъ случаѣ—опредѣленіемъ.* Далѣе, „Учитель“... „объясняетъ урокъ дѣтямъ *неутомимо*“. Вм. „неутомимо“ я могу сказать „безъ утомленія“, „не утомляясь“, „не чувствуя утомленія“ и под., и во всѣхъ этихъ случаяхъ мы будемъ имѣть лишь *части* предложенія, но не предложенія. *Стало быть, дѣепричастіе не сокращаетъ придаточнаго предложенія, а уничтожаетъ его, дѣлая изъ него простую часть цѣлаго предложенія.* Наоборотъ: „Когда учитель объясняетъ урокъ, онъ требуетъ отъ учениковъ, чтобы тѣ слушали внимательно“. Здѣсь оба словосочетанія: „когда учитель объясняетъ урокъ“ и „чтобы тѣ слушали внимательно“—суть предложенія грамматическія; но, если я скажу такъ: „Учитель, *объясняя урокъ*, требуетъ отъ учениковъ внимательнаго слушанія“, то я уничтожу оба эти предложенія: это не будетъ ихъ сокращеніе, это—уничтоженіе, т. е. превращеніе ихъ въ простые члены предложенія. Въ самомъ дѣлѣ,

вмѣсто „объясняя урокъ“ я могу сказать „объясняя“, а вмѣсто „объясняя“ я могъ бы въ другомъ случаѣ сказать другое дѣепричастіе: „ходя“, „сидя“, „стѣсняясь“, „краснѣя“, „стараясь“, „напрягаясь“ и т. п., а вмѣсто „стараясь“, „напрягаясь“, я могъ бы сказать: „старательно“, „напряженно“, и под. Словомъ, я не имѣлъ бы ни формы сказуемости, ни именительнаго падежа. *Итакъ, съ точки зрѣнія синтаксиса, сокращеніе придаточныхъ предложеній при условіи сохраненія ихъ какъ предложеній невозможно, п. ч. такое сокращеніе дѣлаетъ изъ предложенія только часть его, а часть не равна цѣлому.* Этому однако не мѣшаетъ существованіе предложеній, какъ частей *другого* (но не этого же) предложенія: часть предложенія можетъ быть выражена словосочетаніемъ, которое представляетъ собой грамматическое предложеніе, но подчиненное другому, какъ его часть. На этомъ основано существованіе главныхъ и придаточныхъ предложеній. Таково отношеніе члена предложенія къ цѣлому предложенію, Теперь посмотримъ, можно ли выразить *главные* члены предложенія особыми предложеніями.

Главный членъ предложенія, во-первыхъ *подлежащее. Подлежащее есть форма именительнаго падежа.* Можетъ-ли быть подлежащее *особымъ* предложеніемъ? Можетъ ли оно имѣть свою форму сказуемости? Съ точки зрѣнія синтаксиса,—конечно, нѣтъ! И вотъ почему: форма сказуемости опредѣленно указываетъ отношеніе сказуемаго къ именительному падежу, но отношеніе къ нему уже указано формою сказуемости того предложенія, въ которомъ *этотъ* именительный падежъ служитъ подлежащимъ. Слѣдовательно, онъ со своимъ сказуемымъ уже составляетъ *синтактическое цѣлое*, если же этотъ самый именительный падежъ будетъ подлежащимъ другого предложенія, въ которомъ сказуемое уже будетъ другое, то можетъ получиться только *слитное* предложеніе изъ двухъ *равноправныхъ* съ одинаковымъ подлежащимъ, но разными сказуемыми, слѣдовательно, можетъ получиться сочетаніе равноправныхъ частей, но *не подчиненіе*: въ противномъ случаѣ формѣ именительнаго падежа пришлось бы быть *частью самой себя*, какъ подлежащему одного и того же предложенія. По

этой же причинѣ синтактически невозможно и придаточное предложеніе—сказуемое, т. к. ему, по формальнымъ причинамъ, пришлось бы быть *и предложеніемъ и сказуемымъ этого же самаго предложенія*, т. е. *частью самого себя*. Возьмемъ примѣры; обыкновенно въ учебникахъ синтаксиса, построенныхъ на смѣшеніи логики съ грамматикой, приводилось въ примѣръ придаточнаго предложенія — подлежащаго такое: „Не даромъ говорится, что дѣло мастера боится“ и предлагалось разсужденіе такого рода: на какой вопросъ отвѣчаетъ предложеніе „дѣло мастера боится?“ На вопросъ „что говорится?“ Слѣд., предложеніе: „что дѣло мастера боится“ будетъ подлежащимъ предложенія „не даромъ говорится“. *Разсужденіе вовсе не грамматическое и вообще не лингвистическое*! Начать съ того, что форма сказуемости „говорится“ опредѣленно указываетъ на свой именительный падежъ, который только *не названъ* въ этомъ предложеніи, но во всякомъ случаѣ слѣдующимъ предложеніемъ: „дѣло мастера боится“ *опредѣленно же* указано, что сказуемое „говорится“ не можетъ имѣть своимъ подлежащимъ слово „дѣло“, т. к. отношеніе этого слова указано другимъ сказуемымъ—„боится“. Кромѣ того, если даже и не предполагать ничего, чего не дано въ языкѣ, т. е. не предполагать подлежащаго при сказуемомъ „говорится“ („поговорка“), то и въ этомъ случаѣ предложеніе „говорится“ въ крайнемъ случаѣ останется *безличнымъ безсубъектнымъ*, и потому давать ему подлежащее—субъекта въ словѣ „дѣло“, которое „боится“, а не „говорится“—совершенно произвольно съ точки зрѣнія синтаксиса. Съ одинаковымъ успѣхомъ мы на этомъ основаніи могли бы считать придаточнымъ подлежащимъ такія выраженія, какъ: „не даромъ говорится, что свой своему поневолѣ братъ“... что „золото и въ грязи видно“, что „сколько головъ—столько умовъ“ и т. п. Словомъ синтаксису здѣсь не осталось бы мѣста! Единственно научнымъ (правильнымъ) былъ бы такой разборъ этого словосочетанія: „не даромъ говорится: дѣло мастера боится“; и союзъ *„что“* здѣсь соединительный (поясни тельный), который ничего никому *грамматически не подчиняетъ*. Равнымъ образомъ, предложеніе: „мірская

молва, что морская волна" не заключаетъ въ себѣ двухъ предложеній, изъ которыхъ одно, именно, „морская волна", будто бы,—придаточное предложеніе сказуемое. Разсужденіе предлагалось такое: „что такое мірская молва?"—„То же, что морская волна". Стало быть, заключали, „что морская волна"—предложеніе—сказуемое. Такимъ образомъ, получалось два предложенія, но оба безъ формъ сказуемости, т. е. оба—не предложенія. Между тѣмъ какъ не замѣчали, что при такомъ разборѣ *исчезаетъ синтаксисъ, исчезаютъ опредѣленные принципы, и наступаетъ полная безпринципность, свобода логическихъ построеній совершенно въ сторонѣ отъ синтаксиса, отъ опредѣленныхъ положеній науки—лингвистики.* Синтактически это словосочетаніе даетъ намъ слѣдующее: „мірская молва—морская волна", или: „мірская молва есть морская волна", гдѣ „молва"—подлежащее, а „есть волна"—сказуемое. Срв. „домъ есть строеніе" и т. п. При этомъ однако не забудемъ, что въ такой формѣ, какъ говорится въ пословицѣ: „мірская молва, что морская волна", или „домъ—строеніе", эти и под. словосочетанія не представляютъ собой грамматическихъ предложеній. Такимъ образомъ, ни придаточныхъ—подлежащихъ, ни придаточныхъ—сказуемыхъ предложеній синтактически допустить нельзя. Придаточныя предложенія, выражающія собой прочіе *не главные, второстепенные* члены главнаго предложенія, т. е. *опредѣленіе, дополненіе* и *различныя обстоятельства,* только въ томъ случаѣ разсматриваются, *какъ предложенія,* если они имѣютъ *грамматическое построеніе,* т. е. если въ нихъ есть форма именительнаго падежа (въ отдѣльномъ словѣ или въ формальной принадлежности слова) и если *особой* формой сказуемости опредѣленно указано отношеніе даннаго сказуемаго къ формѣ именительнаго падежа, т. е. къ подлежащему, *въ этомъ же предложеніи.* Напр., „Ужъ сколько разъ твердили міру, *что лесть гнусна*" (прид. дополнит.); „Я—тотъ, *которому внимала ты* въ полуночной тишинѣ" (прид. опредѣлит. на вопросъ: „какой я"? „который"?). „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины, *гдѣ ты росла*"... (прид. дополнит.) „Я васъ завелъ туда, *куда и черный воронъ костей не заносилъ*" (прид. обст. мѣста) и под.

Само собой разумѣется, что цѣлое грамматическое предложеніе, отвѣчая на вопросъ какого-либо члена предложенія, само становится въ *подчиненное отношеніе* къ другому предложенію, тоже грамматическому, членомъ котораго оно можетъ служить или служитъ. *Такое подчиненное предложеніе, какъ часть своему цѣлому, называется придаточнымъ предложеніемъ, если оно выражено грамматически, т. е. если оно полное и внутри своего состава имѣетъ свою форму именительнаго падежа и свою форму сказуемости. Только подлежащее и сказуемое, какъ мы видѣли, не могутъ быть выражены особымъ грамматическимъ предложеніемъ и въ то же время служить ч а с т ь ю другого грамматическаго предложенія.*

5. Главное предложеніе въ системѣ предложеній.

Если мы возьмемъ примѣръ: „Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростью и на пути своемъ превращается въ кипящую бѣлую пѣну“—и вникнемъ во взаимныя отношенія членовъ этого предложенія другъ къ другу (членами предложенія, какъ мы только что видѣли, могутъ быть и особыя грамматическія предложенія—придаточныя), то намъ представится слѣдующее предложеніе: *„представьте себѣ большую рѣку“ не служитъ частью другого какого либо предложенія* въ этомъ приведенномъ примѣрѣ, представляющемъ *систему предложеній, т. е. сложное предложеніе: это предложеніе не зависимое, не подчиненное, самостоятельное.* Такое предложеніе, которое не служитъ *частью* другого предложенія и *въ данной формѣ* не можетъ служить *частью* другого, называется *главнымъ предложеніемъ въ составѣ сложнаго предложенія.* Предложеніе же: „которая мчится... и превращается“... придаточное опредѣлительное къ дополненію главнаго предложенія, къ слову „рѣку“. Въ этомъ придаточномъ опредѣлительномъ предложеніи *два* сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ *„и“*, при одномъ и томъ же подлежащемъ („которая“). Такое предложеніе всегда слито изъ двухъ и потому называется *„слитнымъ“*. Если въ немъ

будетъ не два, а три сказуемыхъ при одномъ и томъ же подлежащемъ, то оно *слитное изъ трехъ* и т. д. Въ данномъ слитномъ предложеніи до сліянія было такъ: „которая мчится съ ужасною яростью и которая превращается на пути своемъ въ кипящую бѣлую пѣну". Вмѣсто этого я могу сказать: „которая мчится... и превращается". *Слитное предложеніе, не превращаясь изъ цѣлаго предложенія въ его часть, остается всегда предложеніемъ, и потому сліяніе есть дѣйствительное сокращеніе предложеній.* Можно слить и не подлежащія, какъ здѣсь, а сказуемыя: „водопадъ мчится съ ужасною яростью, и рѣка мчится съ ужасною яростью"= „водопадъ и рѣка мчатся съ ужасною яростью". Вообще, повторяющіеся члены предложенія (одинаковыя части предложенія въ одинаковыхъ формахъ) могутъ быть слиты два, три слова и т. д.—въ одно.

Всѣ прочія *предложенія* въ сложномъ являются по отношенію къ главному, независимому, самостоятельному,— *придаточными, зависимыми, несамостоятельными,* но, конечно, въ томъ случаѣ, если эти предложенія—грамматическія. Поэтому, словосочетанія: „преодолѣвая всѣ препоны" и „полагаемыя ей огромными камнями"—не предложенія, а *простыя части своего главнаго предложенія:* „которая мчится... и превращается": „преодолѣвая"—обст. образа дѣйствія къ сказуемому „мчится", а „полагаемыя"—опредѣленіе къ дополненію „препоны". Отсюда видно, что дополненіе „препоны" составляетъ смыслъ вмѣстѣ съ обстоятельствомъ образа дѣйствія „преодолѣвая", т. е. относится къ обстоятельству, а не къ сказуемому, какъ прежде представляли себѣ дѣло: но *таково управленіе слова „преодолѣвая", какъ отглагольнаго нарѣчія, т. е. дѣепричастія, глагольнаго образованія.* Срв. „полагаемыя камнями" „камнями"—дополненіе къ опредѣленію, п. ч. опредѣленіе выражено глагольнымъ образованіемъ, отглагольнымъ прилагательнымъ, т. е. *причастіемъ.* Срв. также управленіе существительныхъ: „торговля"—чѣмъ?—по глаголу „торговать": „торговля чаемъ"; или: „помощь брату"; „сочувствіе горю" и т. п.

Въ этихъ словосочетаніяхъ, еслибы они были введены въ грамматическія предложенія, мы имѣли бы слѣдующіе

случаи зависимости членовъ предложенія: „*торговля чаемъ* производится на ходу“: „чаемъ“—дополненіе къ подлежащему (не=„чайная“); „*помощь брату* является естественной“: „брату“—дополненіе къ подлежащему (не=„братская“ или „братняя“); „*сочувствіе горю* очень цѣнно“: „горю“—дополненіе къ подлежащему (не=„горестное“ и т. п.). Придаточное *предложеніе*, какъ часть главнаго, можетъ быть предложеніемъ *первой степени*, если оно относится къ предложенію, не служащему въ то же время *частью* другого предложенія; оно можетъ быть *второй степени*, если оно относится къ придаточному первой степени, составляя его часть, и т. д. Напр., „Я сижу и смотрю, какъ перемѣщаются звѣзды, которыя кажутся движущимися по небесному своду, когда весь небесный сводъ усыпанъ свѣтящимися точками, которыя разсыпаны какъ будто надъ самой вашей головой“. Здѣсь предложенія: „какъ перемѣщаются“—прид. дополнит. 1-й степени; „которыя кажутся“—прид. опред. 2-й степени; „когда весь небесный сводъ“—прид. обст. времени 3-й степени; „которыя разсыпаны“—прид. опредѣлит. 4-й степени—при одномъ главномъ, независимомъ,—„Я сижу и смотрю“—*слитномъ* по составу. Слѣд., вся система предложеній здѣсь—„*сложно-слитное предложеніе*“.

6. Сокращеніе предложеній.

Подъ сокращеніемъ предложеній должно разумѣться только сліяніе предложеній. Предложенія, получившіяся отъ сліянія, называются *слитными. Главное условіе сліянія предложеній это—то, чтобы предложеніе послѣ сліянія съ другимъ оставалось предложеніемъ же, а не превращалось изъ предложенія въ его часть. Поэтому, сліяніе есть дѣйствительное сокращеніе предложеній, а то измѣненіе предложеній, при которомъ предложеніе становится частью предложенія (членомъ его), есть уничтоженіе предложенія, а не сокращеніе.* Отсюда понятно, что *сокращеніе предложеній происходитъ только въ области самостоятельныхъ, независимыхъ предложеній.* Возьмемъ примѣры.

Сліяніе подлежащихъ. „*Змѣя* и вьется, и ползетъ, и жалитъ, и шипитъ“: здѣсь четыре подлежащихъ „змѣя“ слиты въ одно, и потому одно слитное предложеніе: до сліянія они всѣ были самостоятельными предложеніями: „змѣя вьется“, „змѣя ползетъ“, „змѣя жалитъ“, „змѣя шипитъ“. „Маленькая собачка свернувшись лежитъ, ни кусаетъ, ни лаетъ, а въ домъ не пускаетъ“. Или сліяніе сказуемыхъ: „И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ *щадятъ* побѣдителя годы“. „Мать и отецъ *живутъ* отдѣльно“. „Я и отецъ едино *есма*“. „Два и три *составляютъ* пять“ и под. Относительно предложеній, сливающихъ сказуемыя, слѣдуетъ замѣтить, что они болѣе другихъ оправдываютъ собой исключительное значеніе формы и формальныхъ принадлежностей слова въ синтаксисѣ: такъ, въ предложеніи: „и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы“ мы имѣемъ сказуемое въ формѣ 3-го лица *множ. числа* наст. времени, не смотря на то, что каждое подлежащее въ отдѣльности сохраняетъ одинаковое отношеніе къ сказуемому. Такъ же: „мать и отецъ живутъ отдѣльно“: форма „живутъ“ опредѣленно указываетъ на отношеніе сказуемаго *къ подлежащимъ, заразъ къ обоимъ*. „Я и отецъ едино есма“: форма „есма“ своимъ числомъ указываетъ на отношеніе къ обоимъ подлежащимъ въ слитномъ предложеніи. „Два и три составляютъ пять“: форма „составляютъ“ есть сказуемое *слитнаго* предложенія. Наоборотъ: „*зерно составляетъ* кучу“ своей формой сказуемости указываетъ на отсутствіе сліянія нѣсколькихъ сказуемыхъ въ одномъ. Изъ послѣднихъ двухъ примѣровъ особенно ясно, что смыслъ предложенія не можетъ касаться синтаксиса, какъ отдѣла грамматики. Поэтому, при старомъ смѣшеніи логики съ грамматикой естественно думали, что въ слитномъ предложеніи *со слитными сказуемыми* каждое изъ подлежащихъ имѣетъ при себѣ одно и то же сказуемое, *однако форма сказуемости убѣждаетъ насъ* въ ошибочности такого логическаго разсужденія въ грамматическихъ вопросахъ: форма сказуемости ясно показываетъ, что ею *опредѣленно указано отношеніе сказуемаго ко всѣмъ наличнымъ подлежащимъ, а не къ каждому въ отдѣльности*.

Напр., если я говорю: „два и три составляютъ пять“, то это *по формѣ* означаетъ, что *они вмѣстѣ* (т. е. два и три вмѣстѣ, заразъ) составляютъ пять, но форма ничего не говоритъ о томъ, составляетъ-ли два или составляетъ-ли три, взятые порознь,—пять. Хотя та же форма въ словосочетаніи „два составляетъ пять“ указывала бы *синтактически*, что сказуемое опредѣленно даетъ отношеніе именительнаго падежа—„два“—къ формѣ сказуемаго, нисколько не беря на себя отвѣтственности за то, выходитъ ли въ этомъ словосочетаніи какой-то смыслъ, требуемый другой наукой—логикой, или здѣсь нѣтъ этого смысла. Срв. грамматическое предложеніе: „земля спитъ, а мѣсяцъ ходитъ: сторожитъ земли покой“. Или: „солнце восходитъ теперь въ четыре часа утра“ и т. д. Всѣ мы, вѣдь, знаемъ, что солнце такъ же не ходитъ, а земля не спитъ, какъ и „два не составляетъ пяти“...

Другіе примѣры сліянія: „Старый, тянувшійся позади дома *садъ*, заросшій и заглохшій, былъ прекраснъ въ своемъ картинномъ запустѣніи“.

Или: „Они *достали* нотъ, баса, альта, двѣ скрипки“...

Или: „Дружно, громко пѣсня эта *пѣлась* прадѣдами встарь“...

7. Безличныя предложенія.

Выше мы сказали, что сказуемое—самая главная часть предложенія, и что *безъ сказуемаго нѣтъ предложенія* (грамматическаго).

Если мы сопоставимъ это наше утвержденіе съ тѣмъ, что форма сказуемости опредѣленно указываетъ на отношеніе сказуемаго *къ именительному падежу—подлежащему*, и что въ предложеніи, которое построено грамматически, именно, должна быть такая форма сказуемости, то увидимъ, *что въ грамматическомъ предложеніи, кромѣ сказуемаго, долженъ быть еще именительный падежъ—подлежащее.* Выходитъ, что *безъ именительнаго падежа нѣтъ грамматическаго предложенія*, т. е. *и форма сказуемости и форма именительнаго падежа одинаково необходимы для грамматическаго пред-*

ложенія. Иначе говоря, если формы именительнаго падежа нѣтъ, то нѣтъ и грамматическаго предложенія. Дѣйствительно, строго говоря, съ точки зрѣнія присутствія формы именительнаго падежа, а только такая точка зрѣнія и допустима въ формальной наукѣ, каковой является синтаксисъ, какъ отдѣлъ грамматики, предложенія: „морозитъ", „свѣтаетъ", „спится", „нездоровится" и под. для современнаго грамматическаго сознанія являются какъ-будто *предложеніями неграмматическими.* (Срв.: „*Свѣтаетъ*... Ахъ, какъ скоро ночь минула!"... „Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ, а мнѣ отъ русскихъ больно *спится*"... „*Морозитъ*, завтра Рождество!"...). Но такъ-ли это? Не дана ли здѣсь и форма именительнаго падежа въ личномъ окончаніи глаголовъ—сказуемыхъ? Вѣдь, всѣ эти формы сказуемаго суть формы 3-го лица ед. числа, слѣдовательно, *въ нихъ личнымъ окончаніемъ опредѣленно указывается и именительный падежъ подлежащаго, и отношеніе сказуемаго къ 3-му лицу рѣчи. Вся суть только въ томъ, что это 3-е лицо рѣчи остается въ такихъ словосочетаніяхъ не названнымъ.* Достаточно ли это для того, *чтобы такія предложенія считать*, съ грамматической точки зрѣнія, *безличными*? Само собой разумѣется, что недостаточно! *Наличность формы лица* уже сама по себѣ говоритъ о томъ, что *лицо указано формой.* Требуется ли непремѣнно назвать это лицо? Съ точки зрѣнія грамматической, конечно, не требуется! Стало быть, *безличными* такія предложенія нельзя считать: въ нихъ можно только отмѣтить *отсутствіе субъекта* (по старой грамматикѣ, смѣшивавшей двѣ науки вмѣстѣ—логику и грамматику), *но для синтаксиса и этого не требуется. Съ точки зрѣнія синтактической*, такія предложенія, какъ: „морозитъ", „свѣтаетъ" и проч., являются *простыми, обыкновенными грамматическими предложеніями.* Ясно, что подлежащаго, какъ *особаго* слова въ формѣ именительнаго падежа, даже не требуется для того, чтобы предложеніе было формально грамматическимъ. (См. выше). Срв. выше такія предложенія, какъ „ѣду, ѣду—слѣду нѣту"... „тише ѣдешь, дальше будешь"... Или: „какъ аукнется, такъ и откликнется"... и под. Поэтому, отъ такихъ предложеній надо отличать другія, въ

которыхъ сказуемымъ стала неизмѣняемая часть рѣчи „нѣтъ“, образовавшаяся изъ „не есть“—„нѣсть“. Само собой разумѣется, что эти перемѣны въ языкѣ сдѣлали такія предложенія для *современнаго* сознанія *неграмматическими*: „ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ“. Срв. древнее: „безумецъ сказа въ безуміи своемъ: *нѣсть Богъ*“=„нѣтъ Бога“. Срв.: „нѣсмь азъ“=„нѣтъ меня“ и „не я“. Или: „нѣсть мене достоинъ“=не достоинъ меня. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что старое грамматическое предложеніе: „нѣсть ей сонъ“ должно было *съ теченіемъ времени* дать неграмматическое словосочетаніе: „ей *сна* нѣтъ“. Этотъ родительный падежъ „*сна*“ (срв. „нѣтъ *времени*“, „нѣтъ *хлѣба*“ и под.) въ такихъ словосочетаніяхъ съ нарѣчіемъ „нѣтъ“ составляетъ особенность русскаго языка: срв. нѣм. „*ist* kein Brot“ („kein Brot“), „*ist* keine Zeit“ („keine Zeit“) и проч. Итакъ, наши такъ называемыя „*безличныя предложенія*“ *оказываются или неграмматическими предложеніями, или не безличными, но личными и грамматическими, только съ неназваннымъ лицомъ, хотя и опредѣленно указаннымъ формою сказуемости.*

8. Дополненія и поясненія.

Мы изложили только *канву*, такъ сказать, нашего синтаксиса, изучили тѣ *основы синтаксиса*, которыя даютъ возможность классифицировать различные типы словосочетаній и точно опредѣлять составъ этихъ типовъ съ точки зрѣнія синтаксиса. На почвѣ этихъ „основъ“, на фонѣ этой „канвы“, возможны самые разнообразные виды и частные случаи словосочетаній, которые, однако, всегда подойдутъ подъ то или другое изъ данныхъ нами выше подраздѣленій всѣхъ словосочетаній на грамматическое и неграмматическое предложенія. Въ видѣ „дополненій и поясненій“ къ нашимъ „основамъ“ мы хотимъ теперь обратить вниманіе на возникновеніе „неграмматическихъ“ предложеній и отвѣтить на вопросъ, какъ же съ ними обходиться при практическихъ задачахъ преподаванія и изученія синтаксиса русскаго языка.

1. Способы выраженія подлежащаго и сказуемаго. Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ части рѣчи, которыми можетъ выражаться подлежащее и сказуемое предложенія. Въ роли подлежащаго мы видѣли *форму именительнаго падежа*; эта форма при наличности еще *формы сказуемости* создаетъ типъ грамматическаго предложенія. Напр., „всѣ люди смертны" (грам.), „я—человѣкъ" (не-грам.), „я смертенъ" (грам.)—см. выше. Но если дано такое словосочетаніе: „изучить этотъ предметъ значитъ проникнуть въ процессы человѣческаго мышленія и подыскать для нихъ соотвѣтственныя формы", то оно, съ точки зрѣнія нашего синтаксиса, представитъ цѣлый рядъ затрудненій: обыкновенно такое и подобныя предложенія разбирали такъ: ‚изучить"—подлежащее; „значитъ проникнуть"—сказуемое и т. д. При этомъ *здѣсь подлежащее управляетъ прямымъ дополненіемъ; сказуемое выражено такимъ словосочетаніемъ, что*, съ точки зрѣнія „учебнаго", обычнаго, „логическаго" синтаксиса, *затруднительно сказать*, въ какомъ отношеніи находится слово „проникнуть" къ слову „значитъ"; *второстепенные члены* (дополненія) находятся въ зависимости отъ той части сказуемаго („проникнуть", „подыскать"), которую затруднительно опредѣлить синтактически и проч. Сообразно съ этимъ шаблоннымъ школьнымъ анализомъ *придется форму неопредѣленнаго наклоненія признавать и подлежащимъ* („изучить"), *и сказуемымъ* („проникнуть", „подыскать"), между тѣмъ какъ форма неопредѣленнаго наклоненія потому то и названа *въ русскомъ языкѣ* издавна „неопредѣленною", что она не указываетъ *опредѣленно отношенія* къ именительному падежу, а, не имѣя сама формъ падежей, она не можетъ и приниматься за именительный падежъ, т. е. за подлежащее грамматическаго предложенія. Допуская же въ современномъ русскомъ языкѣ за неопредѣленнымъ наклоненіемъ право замѣнять собой форму именительнаго падежа, мы должны допустить и способность его замѣнять формы *другихъ* падежей, и, напр., въ такомъ предложеніи, какъ: „онъ посвятилъ время тому, чтобы изучить дѣло на мѣстѣ", мы должны видѣть въ формѣ „изучить" замѣну *дательнаго* падежа („изученію"). Но это по-

вело бы къ старому признанію того, что подлежащее можетъ стоять въ любомъ падежѣ, къ признанію, отъ котораго отказался даже современный „учебный“ синтаксисъ, какъ отъ такого, ошибочность котораго бросалась всѣмъ въ глаза; *а тотъ фактъ, что удалось констатировать ошибочность этого признанія*, уже сознанную теперь даже въ отставшей отъ науки *школьной* учебной литературѣ, *доказываетъ въ свою очередь, какъ нельзя лучше, основную задачу синтаксиса, какъ отдѣла грамматики — служить лингвистическимъ, а не логическимъ цѣлямъ*. Прежде, напримѣръ, въ 70-хъ, 80-хъ, 90-хъ годахъ XIX-го вѣка, въ учебникахъ разбирали слѣдующія предложенія такъ: „быть бычку на веревочкѣ“: „бычку“—подлежащее въ дат. падежѣ („здѣсь говорится про бычка“), „быть“—сказуемое въ неопр. наклоненіи вм. будущаго изъявительнаго: „быть бычку на веревочкѣ“=„будетъ бычекъ на веревочкѣ“. Или: „Тебѣ не миновать судьбы“ (если не ошибаюсь, этотъ примѣръ взятъ мною изъ синтаксиса *Кирпичникова*, когда-то очень популярнаго московскаго учителя и потомъ профессора)=„ты не минуешь судьбы“ и под. Такимъ образомъ, словосочетаніе „тебѣ не миновать“ приравнивалось словосочетанію „ты не минуешь“: очевидно, *тождественный или почти тождественный (сходный) смыслъ въ различныхъ словосочетаніяхъ давалъ право*, по мнѣнію составителей учебниковъ синтаксиса въ до-научный періодъ, въ періодъ такъ называемой „логической грамматики“, *приравнивать синтактически и самыя словосочетанія*. Словомъ, имѣли дѣло, сами того не замѣчая, не съ языкомъ и его данными, а съ мыслями, угадывая и читая въ языкѣ эти мысли каждый по-своему. Само собой разумѣется, что „тебѣ не миновать“ и под. далеко еще не тождественно *даже и по смыслу*, не говоря про форму, съ: „ты не минуешь“. Сравни: „не *сносить* тебѣ буйной головы“, „не *бывать* Торжку Новымъ городомъ“, „мнѣ по улицѣ *не хаживать*“ и под. Въ такихъ случаяхъ мы видимъ употребленіе неопр. наклоненія *несоверш. вида или даже и многократнаго*, а этотъ оборотъ нельзя во многихъ случаяхъ замѣнить будущимъ временемъ изъявительнаго наклоненія. Напр.,

„не бывать Торжку Новымъ городомъ“ означаетъ не только то, что Торжокъ *не будетъ* Новымъ городомъ, но и то, что это для Торжка *невозможно* и не только въ данное время, но и вообще, никогда. Понятно, что при старыхъ синтактическихъ воззрѣніяхъ поступали *произвольно*, *безцеремонно*, не только съ формою языка, но и съ самымъ смысломъ рѣчи, видоизмѣняя этотъ смыслъ, *безъ всякаго права на то*, сообразно желанію и желаемымъ *школьнымъ* цѣлямъ. Равнымъ образомъ, „быть бычку на веревочкѣ“ вовсе не означаетъ, что бычекъ *будетъ* на веревочкѣ, но лишь то, что бычекъ *можетъ* дождаться привязи и под.

Такимъ образомъ, ни подлежащее не можетъ быть въ дательномъ падежѣ, ни сказуемое не можетъ стоять въ неопредѣленномъ наклоненіи, а потому и словосочетанія „быть бычку на веревочкѣ“ и под. должны быть признаны *неграмматическими*.

Форма неопредѣленнаго наклоненія, въ свою очередь, *не можетъ грамматически равняться* формѣ именительнаго падежа, т. е. *не можетъ быть подлежащимъ*, т. к. для современнаго сознанія говорящихъ „читать“ и „чтеніе“, „писать“ и „письмо“ или „писаніе“ и проч, вовсе не идентичны не только по формѣ, *что очевидно*, но и по смыслу: въ самомъ дѣлѣ, „писать письмо интересно“ вовсе не означаетъ: „писаніе письма интересно“; или: „читать исторію поучительно“ вовсе не означаетъ: „чтеніе исторіи поучительно“, хотя и близко подходитъ къ этому по смыслу. Прежде въ учебномъ синтаксисѣ приравнивались словосочетанія: „знать много языковъ пріятно“ и „знаніе многихъ языковъ пріятно“. Срв. „многимъ пріятно *знать* чужіе секреты“, но это вовсе не равно слѣдующему: „многимъ пріятно *знаніе* чужихъ секретовъ“.

Неграмматическія словосочетанія возникли въ процессѣ разговора, въ процессѣ діалога, *но не монолога*, *не при разсказѣ*. Діалогъ имѣетъ ту особенность, что говорящій слѣдитъ не только за *своею* рѣчью, но и за отвѣтомъ, возраженіемъ, рѣчью своего собесѣдника: психическое состояніе оратора, ожидающаго возможныхъ возраженій, отвѣтовъ, объясненій, вопросовъ, опроверженій и т. д. совсѣмъ не похоже на психическое состояніе актера, произносящаго

со сцены въ театрѣ монологъ, или профессора, читающаго свою лекцію слушателямъ своей аудиторіи и проч. Въ діалогѣ, *при обмѣнѣ мнѣніями*, впечатлѣніе отъ высказаннаго мнѣнія необходимо удерживается у слушателя только до момента отвѣта со стороны послѣдняго: чѣмъ живѣе бесѣда, чѣмъ чаще слѣдуетъ отвѣтъ за вопросомъ, чѣмъ быстрѣе идетъ обмѣнъ, тѣмъ менѣе нужна тщательность въ построеніи и отдѣлкѣ рѣчи. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что отвѣтъ, слѣдующій *непосредственно* за *устнымъ* вопросомъ, содержитъ въ себѣ нерѣдко *только одно слово*, служащее сокращеннымъ отвѣтомъ на весь вопросъ, часто построенный очень тщательно, высказанный подробно и пространно. Напр., „Знаете-ли вы украинскую ночь“?—„Знаю“! или „Нѣтъ“! и под. Или: „Скажи-ка, дядя, вѣдь, не даромъ Москва, спаленная пожаромъ, французу отдана“!—„Недаромъ“! Или: „Который часъ“?—„Седьмой“! Или: „Есть ли еще порохъ въ пороховницахъ“?—„Есть“! и под. Отсюда мы заключаемъ, что *вообще чаще въ языкѣ* (начало котораго—разговоръ, общеніе) *встрѣчаются неграмматическія словосочетанія*, но, конечно, по нимъ нельзя строить *отдѣлы грамматики*, т. к. для послѣдней нужны *нормы*; изъ нормъ легко вывести и *типы* и ихъ *отношенія*. Просматривая приведенные выше примѣры неграмматическихъ словосочетаній и сравнивая ихъ съ грамматическими предложеніями, мы видимъ, что нормы предложеній и ихъ типы терпятъ въ разговорѣ постоянныя видоизмѣненія, которыя всегда представляютъ болѣе или менѣе значительныя отклоненія отъ *грамматическаго* построенія рѣчи. Эти отклоненія отъ нормы и типовъ представляютъ, такъ сказать, развѣтвленія основного типа грамматическаго предложенія, и это развѣтвленіе дѣлается въ языкѣ возможнымъ благодаря участію того психическаго фактора рѣчи, который стоитъ на стражѣ психологическаго элемента въ языкѣ, подчиняя ему формальный, грамматическій элементъ, сообщая психологическому элементу господствующее положеніе. Это „господствующее положеніе“ психологическаго момента рѣчи вытекаетъ изъ природы самой рѣчи, какъ доступной внѣшнему воспріятію формы обнаруженія духовнаго общенія между говорящими лицами: психическое взаимодѣйствіе бесѣдующихъ между

собою лицъ наблюдается и въ томъ, что сила рѣчи одного изъ говорящихъ оказывается нерѣдко выше силы рѣчи другого, и въ томъ, что, по мѣрѣ разговора, настроеніе нерѣдко видоизмѣняется, то у одного, то у другого изъ говорящихъ и слушающихъ, словомъ, психическое взаимодѣйствіе разговаривающихъ лицъ справедливо можетъ уподобляться „словесному турниру“, гдѣ успѣхи борьбы регулируются и направляются качествомъ обнаруженія внутреннихъ психическихъ силъ у лицъ, ведущихъ діалогъ.

Понятно, что *при чтеніи книги* пропадаютъ тѣ мелочи психики устной рѣчи, которыя характеризуютъ нерѣдко личность оратора и обезпечиваютъ часто желаемое настроеніе слушающихъ. Вотъ почему книга тѣмъ ближе къ жизни, тѣмъ интереснѣе, чѣмъ ближе она къ разговору, чѣмъ *живѣе* ея изложеніе, и чѣмъ болѣе читатель умѣетъ *одухотворить* читаемую книгу, внося въ нее свою „живую душу“. Вотъ этимъ „психическимъ элементомъ“ рѣчи объясняется то обстоятельство, что говорящій нерѣдко влагаетъ въ грамматическія формы не данное въ нихъ содержаніе, а подсказанное ему его психической потребностью момента, или употребляетъ эти формы, не сообразуясь съ заявляемыми ими требованіями. Такъ происходятъ примѣры нарушенія грамматическаго построенія вообще, примѣры нарушенія грамматическаго согласованія, примѣры грамматически-неправильнаго подчиненія (формально-неправильнаго) и т. п.

Изъ всѣхъ предыдущихъ примѣровъ слѣдуетъ прежде всего вывести то заключеніе, что, во-первыхъ, *подлежащее грамматическаго предложенія можетъ быть только въ формѣ именительнаго падежа* (конечно, всѣхъ тѣхъ частей рѣчи, которыя имѣютъ формы имен. падежа, т. е. *склоняемыхъ частей рѣчи*). Примѣры: „европейца все вниманіе *народъ* сей чудный *привлекалъ*“; „*я помню* чудное мгновенье“; „*мы* смолоду *жаждемъ* утѣхъ любви“; „*мы* всѣ *учились* понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“; „какъ счастливо *провелъ* свою *ты* младость“; „въ семнадцать лѣтъ *вы расцвѣли* прелестно“; „*они* жъ меня, безумцы, *проклинаютъ*“; „*онъ* расточитъ отцовскія богатства“; „*сытый* голоднаго *не разумѣетъ*“; „*молчалива и грустна* бѣдная *Татьяна*“; „*жилъ* ста-

рикъ со своею старухой"; „*мое не тонетъ, не горитъ*"; „*первый играетъ*"; „*два лежатъ*, а *одинъ сидитъ*" и проч. Или: „*женившійся печется* о женѣ"; „*влюбленный не можетъ* скрыть своихъ чувствъ"; „*пишущій* эти строки *надѣется* на успѣхъ своей книги" и под. Понятно, что съ точки зрѣнія требованій формальнаго синтаксиса тѣ части рѣчи, тѣ слова, которыя *не склоняются*, не могутъ быть подлежащими грамматическаго предложенія, т. к. не имѣютъ никакихъ падежей, стало быть, и именительнаго. Но психическія потребности говорящихъ лицъ постепенно расширяли „грамматическую" значимость формы слова: такъ, *выраженіе: „умеретъ—уснуть" указываетъ намъ на психологическій субъектъ, не имѣя грамматическаго подлежащаго*: „умереть" не есть „смерть"; въ то же время „умереть"—психологическій субъектъ того психологическаго акта, который принялъ воспринимаемую нами форму въ выражевіи „умереть—уснуть"; здѣсь и „уснуть"—*психологическій предикатъ*, а не грамматическое сказуемое. Словомъ, мы хотимъ сказать, что грамматическія формы языка и грамматическія категоріи гораздо бѣднѣе и количественно и качественно психическихъ актовъ, со всѣмъ ихъ содержаніемъ, актовъ, подлежащихъ проявленію, обнаруженію при посредствѣ языковаго матеріала съ установившейся его классификаціей и категоріями. Въ самомъ дѣлѣ, каждый „чувствуетъ" своею мыслью, что выраженія: „смерть—сонъ" и „умереть—уснуть" не одно и то же: указывая словомъ на процессъ, мы можемъ не имѣть въ виду его послѣдствій или результатовъ. Говорящій такъ: „умереть—уснуть" можетъ имѣть въ мысляхъ и процессъ умиранія, и его послѣдствія заразъ; а можетъ имѣть въ виду одни послѣдствія—прекращеніе жизни, небытіе и проч. Понятно, что въ этихъ психическихъ актахъ, поскольку послѣдніе принуждены, по необходимости, находить для себя обнаруженіе въ языковомъ матеріалѣ, и кроется причина возможности двоякаго, даже различнаго, пониманія выслушанной рѣчи.... Формою неопредѣленнаго наклоненія, потерявшею съ теченіемъ времени въ языкѣ признаки своей измѣняемости по падежамъ, признаки того періода языка, *когда это наклоненіе не было еще неопредѣленнымъ*, оказалось нынѣ возможнымъ выразить нѣкоторыя понятія дѣятельности, про-

цесса, движенія и т. п. Собственно говоря, эта форма и не есть наклоненіе даже и въ современномъ ея видѣ: она не имѣетъ *формальныхъ* признаковъ отношенія къ лицу рѣчи и ко времени дѣйствія; поэтому справедливѣе ее называть просто *неопредѣленною формою глагола*, а не неопредѣленнымъ *наклоненіемъ*. Такимъ образомъ, во-вторыхъ, *сказуемое грамматическаго предложенія можетъ быть выражено только формою лица, времени и наклоненія*. Поэтому эта форма и называется *формою сказуемости* (Неопр. форма не есть „наклоненіе", потому она — не форма сказуемости). Формы изъявительнаго наклоненія (прош. времени=старое причастіе), формы повелит. наклоненія и формы условнаго (сослагательнаго) наклоненія ясно сохранили или цѣликомъ *свои* формальныя принадлежности, или въ такихъ остаткахъ, которые способны указывать отношеніе къ именительному падежу (формы на—„лъ",—„ла",—„ло" и формы съ частицей-остаткомъ „*бы*"). Примѣры: „*Вотъ* черни *судъ*! *Ищи* жъ ея любви". „Нѣтъ, *выстрадай* себѣ богатство"! „*Хотѣлъ бы* очень *я* самъ посудить"... Въ предложеніи: „вотъ черни судъ"— *недвусмысленно* возстановляется форма сказуемаго „есть", т. к. самое слово „вотъ" указываетъ на нее своимъ значеніемъ, а прежде даже указывало и формою: „вотъ"=(в)отъ; срв. малорус. „ото": „ото̀ дурэнь"! и под. (Не надо смѣшивать двухъ словъ: „вотъ" изъ стараго *винит.* падежа съ предлогомъ „въ": „въ тъ дьнь"=„вотъ дьнь"=„въ тотъ день",—и „вотъ"—*именит.* падежа съ приставнымъ „в": „отъ" изъ „тъ" въ сочетаніяхъ съ предшествующимъ согласнымъ: хълмъ тъ=хълмотъ и проч., „тъ хълмъ"—„от холмъ"—„вотъ холмъ").

II. Способы выраженія второстепенныхъ частей предложенія. Опредѣленіе, дополненіе и обстоятельственныя слова не составляютъ зерна грамматическаго предложенія, а потому они и не могутъ вліять ни на формулировку научнаго опредѣленія грамматическаго предложенія, ни на взаимоотношеніе членовъ, выражаемое формальными принадлежностями. Это взаимоотношеніе выражается *согласованіемъ* или *управленіемъ*. Если мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ, то на нихъ мы можемъ убѣдиться, что въ самомъ сложномъ по составу словосоче-

таніи всѣ составныя части группируются двоякимъ образомъ: или около подлежащаго, или около сказуемаго; (въ *неграмматическомъ* предложеніи около психологическаго субъекта или около психологическаго предиката). Напр., „Старый, тянувшійся позади дома, садъ, заросшій и заглохшій, былъ прекрасенъ своимъ видомъ въ своемъ картинномъ запустѣніи". Въ этомъ предложеніи слова: „старый, тянувшійся позади дома, заросшій и заглохшій" относятся къ слову „садъ" (*группируются* около подлежащаго грамматическаго предложенія); а слова: „своимъ видомъ въ своемъ картинномъ запустѣніи" относятся къ сказуемому „былъ прекрасенъ" (*группируются* около сказуемаго). Въ психологическомъ смыслѣ здѣсь *подлежащее со всѣми относящимися къ нему словами представляетъ собой психологическій субъектъ, а сказуемое со всѣми относящимися къ нему словами—психологическій предикатъ.* На предложеніи неграмматическомъ это будетъ нагляднѣе: „Какъ посравнить да посмотрѣть вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ". Психологическій актъ, лежащій въ основѣ этого словосочетанія, слѣдующій: мысленное сравненіе двухъ хронологически смежныхъ вѣковъ по ихъ выдающимся особенностямъ быта и нравовъ даетъ матеріалъ для признанія такихъ перемѣнъ, которыя измѣнили совсѣмъ послѣдующій изъ двухъ вѣковъ до такой степени, что не вѣрится ихъ близости по времени. Слѣд., въ психологическій актъ вошло припоминаніе, сравненіе, и открывается мыслью выводъ, какъ результатъ этихъ двухъ элементовъ психологическаго акта. Психологическій субъектъ этого психологическаго сужденія—*преданіе о вѣкѣ минувшемъ въ сравненіи съ наблюдаемымъ настоящимъ*, а психологическій предикатъ—то, что это преданіе *не внушаетъ уму полнаго довѣрія, не смотря на свою свѣжесть.* Грамматическому анализу это словосочетаніе, конечно, не поддается, т. к. *это неграмматическое предложеніе*, выражающее лишь *одинъ моментъ рѣчи, раздумья и бесѣды*: это словосочетаніе есть отвѣтъ на разсказъ о прошломъ вѣкѣ, отвѣтъ, содержащій въ себѣ впечатлѣніе отъ слышаннаго разсказа, впечатлѣніе со всѣми оттѣнками чувства, порожденнаго разсказомъ.

А) Опредѣленіе, какъ членъ предложенія. Съ грамматической (формальной) точки зрѣнія *всѣ опредѣленія относятся къ опредѣляемому и связываются* съ послѣднимъ либо *согласованіемъ*, если опредѣленіе способно измѣняться по формамъ рода, числа и падежа,—либо *управленіемъ*, если опредѣленіе можетъ *подчиняться* опредѣляемому, т. е. принимать форму падежа по требованію опредѣляемаго. Напр., „*Бодливой коровѣ* Богъ рогъ не даетъ"; „*ласковое слово* дороже пирога любого"; „*добраго человѣка* всѣ любятъ"; „*мой конь* и донынѣ носилъ бы меня" и проч. Или: „*знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ* меня привѣтствовалъ"; „*глаголъ временъ—металла звонъ*"; „своевременная *помощь ближнему* особенно дорога"; „съ міру по ниткѣ—*голому рубаха*"; „*стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ*—все то же, что *воду черпать* рѣшетомъ"; „*писать перомъ—не тесать топоромъ*"; „чтеніе *по печатному* преподавалось прежде ранѣе *чтенія по писаному*". Или: „Продолжительный *разговоръ объ одномъ и томъ же* скоро надоѣдаетъ". Въ послѣднихъ примѣрахъ словосочетанія: „стыдить лжеца", „шутить надъ дуракомъ", „черпать воду", „писать перомъ" и под. представляютъ собой случаи управленія неопредѣленной формы глагола именемъ существительнымъ. Эти управляемыя имена мы назвали *опредѣленіями въ широкомъ смыслѣ этого термина:* собственно говоря, какъ мы видѣли выше, такія словосочетанія, какъ: „торговля *чаемъ*", „рѣзьба *ножомъ* по дереву", „прогулка *нагишомъ* по солнцу" и под. являются разнообразными обозначеніями, *опредѣляющими* то или другое дѣйствіе или предметъ. Поэтому всѣ второстепенныя части предложенія (всякаго) являются *дополненіями*, въ область которыхъ должны войти и школьные термины: „*опредѣленія*", „*дополненія*" и „*обстоятельства*" разнаго рода. Не лишено значенія то обстоятельство, что въ *элементарномъ преподаваніи грамоты и отечественнаго языка, въ низшей школѣ, обыкновенно всѣ второстепенныя части предложенія принято было называть „объяснительными словами"*, каковыми они и являются съ точки зрѣнія *грамматической опредѣленности (формальной) главныхъ частей предложенія, подлежащаго и сказуемаго.* Дѣйствительно, въ формальной наукѣ, каковою является синтаксисъ, какъ отдѣлъ грамматики, нѣтъ

средствъ для классификаціи второстепенныхъ частей грамматическаго (подавно—неграмматическаго!) предложенія по формальнымъ принадлежностямъ, признакамъ; да *эта классификація второстепенныхъ частей предложенія и не является прямой задачей синтаксиса, какъ отдѣла грамматики, т. к. способы выраженія второстепенныхъ частей предложенія настолько разнообразны, что не поддаются никакой классификаціи*, какъ отчасти мы уже видѣли выше. А потому *наука, опредѣляющая и излагающая „основы синтаксиса", не можетъ включить въ свою область тотъ матеріалъ, который выходитъ далеко за предѣлы „основъ"*. Поэтому всѣ попытки нашихъ школьныхъ учебниковъ синтаксиса дать перечень способовъ, которыми могутъ выражаться въ предложеніи (какомъ?) всѣ его члены, я считаю пережиткомъ, отголоскомъ до-научнаго состоянія лингвистики и продуктомъ смѣшенія логики съ грамматикой, смѣшенія, отъ котораго и нынѣ, вслѣдъ за старинной „наукой", не удалось еще отдѣлаться...

Равнымъ образомъ, перечисленіе въ русскомъ учебникѣ синтаксиса всѣхъ случаевъ *управленія предлоговъ* я считаю схоластикой, ни къ чему не нужной для знанія русскаго языка русскому человѣку и вредной какъ въ педагогическомъ, такъ и въ научномъ отношеніи: *синтаксисъ падежей, синтаксисъ предлоговъ, синтаксисъ временъ и наклоненій*—это шаблоны учебныхъ грамматикъ классическихъ языковъ—*наслѣдіе отъ періода классицизма въ Европѣ и у насъ*. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ нѣсколько примѣровъ живого русскаго языка, которые убѣдятъ насъ въ справедливости нашихъ положеній „научнаго" синтаксиса болѣе, чѣмъ теоретическія разсужденія. Напр., „сила *человѣка* не велика"; „сила *паденія* была ничтожна"; „сила *смертнаго* не останавливаетъ опредѣленій судьбы"; „сила *одного* меньше силы *двухъ*", „ожиданіе *чего-то* приковало меня къ мѣсту"; „сила *губить* у меча отнята", „сила *молодого вдвойнѣ* сила";— въ этихъ примѣрахъ самыя разнообразныя части рѣчи и въ самыхъ различныхъ формахъ служатъ *опредѣленіями* (см. также примѣры выше).

Б) Дополненіе, какъ членъ предложенія. То же мы замѣчаемъ и въ области *дополненія.* Слѣдующіе примѣры убѣдятъ насъ въ томъ, что и дополненіемъ могутъ быть самыя различныя части рѣчи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ

Напр., „я пью *воду*"; „я не хочу *воды*"; „я не хочу *играть*"; „многіе могутъ *любить* заразъ *нѣсколькихъ одинаковою любовью*"; „оставь *меня* въ покоѣ"; „не подходи *ко мнѣ съ оружіемъ въ рукахъ*"; „*безсильному* не смѣйся и *слабаго* обидѣть не моги"; „семеро *одного* не ждутъ"; „ты *ничему* не вѣришь"; „*съ розгою въ рукахъ* ты не добьешься цѣли"; „*съ милымъ*—рай и въ шалашѣ" и под.

В) Обстоятельства, какъ члены предложенія. Различныя слова, выражающія такъ называемыя „обстоятельства", могутъ быть еще болѣе разнообразными частями рѣчи и ихъ формами. Напр., „я оступился и *въ ровъ* попалъ"; „онъ сидитъ *дома, въ комнатѣ, на лошади, верхомъ, бокомъ, покачиваясь, съ закрытыми глазами*" (при разборѣ этого словосочетанія до сихъ поръ въ школѣ—путаница: то скажутъ и учатъ, что это—„обст. образа дѣйствія", то скажутъ и учатъ, что это—дополненіе и под. Хотя, вѣдь, здѣсь и „*дѣйствія*" никакого нѣтъ: „сидитъ"—не дѣйствіе!); „онъ сидитъ *съ ногами на стулѣ*"; „онъ ходитъ *взадъ* и *впередъ*"; „онъ выступилъ передъ слушателями *со своимъ талантомъ*"; „иди *быстрѣе*"; „онъ упалъ *внизъ головою*"; „онъ рѣжетъ хлѣбъ *ножомъ*, а не *пилою*, и то *довольно гладко*"; „не искушай меня *безъ нужды*"; „помощь намъ *при нуждѣ* дорога"; „*нигдѣ* не найдешь ты этого"; „*всегда* такъ будетъ и бывало"; „таковъ *издревле* бѣлый свѣтъ"; „*въ армякѣ съ открытымъ воротомъ, съ непокрытой головой, медленно* проходитъ *городомъ* дядя Власъ"...; „иди *дорогою свободной, куда* влечетъ тебя свободный умъ, *не требуя* наградъ за подвигъ благородный"...; „огурецъ *съ домъ* величиной—диковина"; „онъ вѣситъ *пять пудовъ и три фунта*" и мн. др. под.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы дѣйствительно видимъ, что разборъ всѣхъ этихъ второстепенныхъ членовъ предложенія представляетъ много затрудненій, и опредѣленныхъ критеріевъ для того, чтобы данный членъ предложенія признавать *только дополненіемъ*, или *только опредѣ-*

леніемъ, или *только обстоятельствомъ*, ни у учителя, ни у ученика часто и до сихъ поръ не бываетъ. Напр., „онъ ходитъ *въ плащѣ, съ гитарою подъ мышкой*". Что здѣсь „въ плащѣ" и проч.? Обстоятельство образа дѣйствія, дополненіе, или опредѣленіе??! Если мы смѣшаемъ логику съ грамматикой и пустимся въ разсужденія, то нерѣдко можемъ натолкнуться на *самыя разнообразныя* пониманія, допускаемыя структурой, построеніемъ этого словосочетанія.... Сравните: „*Какъ* онъ ходитъ обыкновенно"?—„Въ плащѣ"! „*Въ чемъ* онъ былъ одѣтъ"?—„Въ плащѣ"! „*Какой* онъ собой"?—„Въ плащѣ, съ гитарою подъ мышкой"! и проч.

Признавая, въ виду этого, такія недоразумѣнія результатомъ *безотчетнаго* отношенія къ задачамъ синтаксиса и настаивая на томъ, что *синтаксисъ есть отдѣлъ грамматики* (см. выше), я полагаю, что *съ научной точки зрѣнія* (въ данномъ случаѣ,—съ лингвистической) *всѣ второстепенныя части грамматическаго предложенія*, которыми дополнены подлежащее и сказуемое, *необходимо разсматривать, какъ дополненія къ подлежащему и къ сказуемому*. Такая простота и прозрачность отношеній между частями предложенія, по моему мнѣнію, вытекаетъ изъ *научной* постановки вопроса о задачахъ, методѣ и содержаніи синтаксиса, какъ отдѣла грамматики языка.

9. Общее заключеніе.

Въ заключеніе—два слова о современномъ *школьномъ* синтаксисѣ рускаго языка и объ учебникахъ, принятыхъ въ школѣ, по этому предмету. Подъ синтаксисомъ понимается въ школѣ ученіе о предложеніяхъ. Но замѣчательно, что, въ силу традиціи и по старинѣ, предложенія въ синтаксисѣ разсматриваются *съ точки зрѣнія значенія*, а мы уже видѣли, что значеніе часто—слишкомъ *субъективный* критерій и, какъ таковой, часто ведетъ къ разнообразнымъ заключеніямъ, между которыми нѣтъ единства. Самая терминологія въ школьномъ синтаксисѣ способна вызывать невѣрныя представленія о предметѣ. Такъ, терминъ „безличное" предложеніе, какъ мы видѣли, оказывается совершенно

неточнымъ и потому неправильнымъ: *лицо*, вѣдь, не можетъ быть обозначено ничѣмъ другимъ въ языкѣ, какъ только *личнымъ мѣстоимѣніемъ или личнымъ окончаніемъ*. Въ самомъ дѣлѣ, почему предложеніе: „домъ стоитъ на берегу рѣки"—*личное*? Гдѣ же здѣсь лицо? Или почему предложеніе: „нынѣ свѣтаетъ въ четвертомъ часу ночи"—*безличное*? Развѣ здѣсь не указано лицо личнымъ окончаніемъ глагола? Далѣе, терминъ „обстоятельство", какъ терминъ *синтактическій*, рѣшительно ничего не говоритъ ни ученику, ни вдумчивому учителю: этотъ терминъ, какъ переводъ франц. „circonstance" (лат. circumstantia: círcum=объ, около; stantia=стояніе „стоятельство"(?!)=„околостояніе", „обстояніе", „обстоятельство") не только не выражаетъ сути дѣла, но даже и вводитъ въ заблужденіе, какъ мы видѣли выше, и кромѣ того, какъ почти всѣ *переводные* термины, *неуклюжъ* и *эстетически невыносимъ*. Есть много у насъ въ синтаксисѣ, да и во всей грамматикѣ, переводныхъ терминовъ, почти безсмысленныхъ съ научной точки зрѣнія и передающихъ устарѣлое и признанное несостоятельнымъ воззрѣніе, но всетаки многіе изъ этихъ переводныхъ терминовъ не ведутъ къ новымъ ошибкамъ и превратнымъ мнѣніямъ; терминъ же „обстоятельство" и въ этомъ отношеніи ниже другихъ и непозволителенъ. Если съ терминомъ вообще не соединяется *никакихъ* представленій, то онъ въ наукѣ безопасенъ, но если съ нимъ соединяются какія-либо представленія, то наука обязана предупредить о вредѣ ложныхъ представленій и позаботиться о томъ, чтобы эти представленія были *правильны*, т. е. отвѣчали бы существу дѣла, которое обязана раскрыть наука, или, въ случаѣ невозможности уничтожить и замѣнить привычные термины, наука обязана *обезвредить* эти привычные термины.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ выше недостатковъ нашего школьнаго синтаксиса, недостатковъ, объясняющихся, съ одной стороны, состояніемъ нашей школы, съ другой,—личными особенностями нашихъ авторовъ учебниковъ и нашихъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній, трудно даже дать подходящее названіе тому предмету преподаванія въ нашей школѣ, который оффиціально называется „синтаксисомъ" русскаго языка: не то это *логика*, не то—*психо-*

логія, не то—*семасіологія*; словомъ, нѣчто *сложное безпредметное, безпринципное* и *безотчетное*. Для образца я дамъ нѣсколько примѣровъ синтактическаго разбора словосочетаній въ нашей *старой* и *современной* школѣ; опредѣленіями считаются слѣдующія подчеркнутыя слова въ словосочетаніяхъ: „домъ *отца* стоитъ на горѣ"; „помощь *отцу* необходима"; „покупка *дома* обошлась ему дорого"; „завѣдываніе *домомъ* требуетъ опыта" „разговоръ *о домѣ* занялъ много времени"; „работа *надъ книгой* нелегка" и под. Кромѣ того, опредѣленіями же считаются и *приложенія*: „Богъ-отецъ есть первое лицо св. Троицы"; „у Бога-отца есть сынъ единородный"; „Богу-отцу подобаетъ всякая честь и поклоненіе"; „люби Бога-отца, какъ и Бога-сына"; „Богомъ-отцомъ сотворенъ весь міръ"; „о Богѣ-отцѣ мы слышали сегодня въ классѣ". Какъ видимъ, имя существительное *во всѣхъ падежахъ* считается опредѣленіемъ; отсюда, конечно, совершенно правильно было бы заключить, что: если имя существительное *во всѣхъ падежахъ* можетъ быть *опредѣленіемъ* въ школьномъ синтаксисѣ, то и всякая другая *склоняемая* часть рѣчи должна обладать такими же свойствами. Подобное же мы видѣли выше на примѣрахъ и въ области „*дополненій*" и „*обстоятельствъ*", а, стало быть, не будетъ погрѣшностью, на основаніи *школьныхъ представленій*, признать, что: такъ какъ почти всѣ части рѣчи (склоняемыя и частью спрягаемыя) во всѣхъ формахъ способны выражать второстепенные члены предложенія, то *точное опредѣленіе* и *отличіе* „дополненія" отъ „опредѣленія", „дополненія" отъ „обстоятельства" и „опредѣленія" отъ „обстоятельства" дѣлается невозможнымъ, а безъ точнаго опредѣленія нѣтъ ни истиннаго знанія, ни науки.

Мы намѣтили на основныхъ вопросахъ синтаксиса русскаго языка тѣ пути, по которымъ должно идти составленіе новыхъ учебниковъ по синтаксису для того, чтобы внести въ школу опредѣленность и отчетность научнаго знанія. Нужно еще сказать, что историческій элементъ въ преподаваніи синтаксиса русскаго языка въ

нашихъ школахъ пока немыслимъ, т. к. предварительно нужно расчистить и подготовить почву такъ, какъ это теперь сдѣлано въ областяхъ фонетики и морфологіи русскаго языка школьной грамматики: здѣсь, благодаря цѣлому ряду трудовъ нашихъ ученыхъ, уже возможно составленіе „новаго" учебника грамматики русскаго языка на основахъ исторіи языка, но отдѣлъ синтаксиса еще долженъ войти въ школу сперва въ элементарно-научномъ видѣ, а потомъ уже, когда школа будетъ себѣ отдавать отчетъ въ томъ, къ какой области наукъ относится синтаксисъ, и есть ли онъ одинъ изъ отдѣловъ грамматики, необходимо будетъ приступить къ составленію учебниковъ по историческому синтаксису русскаго языка.

Казань, 1912 г.
3-го августа.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ПЕЧАТАЕТСЯ

и ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ

въ непродолжительномъ времени

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

М. А. ГОЛУБЕВА:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

преимущественно по русской и всеобщей исторіи, посвященныхъ Дм. Ал. Корсакову, заслуженному профессору Императорскаго Казанскаго университета, въ ознаменованіе сороколѣтія его ученой и пятидесятилѣтія ученo-литературной дѣятельности.

Въ сборникѣ примутъ участіе многіе профессора Казанскаго, С.-Петербургскаго, Московскаго и др. университетовъ, а также другіе почитатели и ученики юбиляра.

Изданіе будетъ заключать въ себѣ болѣе 40 печатныхъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ изящнымъ шрифтомъ, съ приложеніемъ портрета-геліогравюры, на эстампной китайской бумагѣ, работы Голике и Вильборгъ.

Приблизительная цѣна сборника четыре рубля.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Казань, въ книжномъ магазинѣ

М. А. ГОЛУБЕВА.

Воскресенская ул., д. Матвѣевскаго.

С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина** (влад. **И. П. Мазурецъ**).

Продается во всѣхъ лучшихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна 50 коп.